

Алек'С'кира

Аматмея. Алхимик Некромантус

Данная книга не основывается ни на каких-либо легендах.

Все, что описано в ней, является всего лишь личным видением происходящего.

В основу положен несуществующий мир с вымышленными героями.

Интерпретация различных рас так же выбрана по подобию автора

и не является протестом или противоречием кому-либо.

ГЛАВА 1

«КЛОЧОК ПЕРГАМЕНТА»

Он проснулся от очередного кошмара, из-за которого нет спасения последние две недели. Блуждая в мыслях после ужаса ночи, он пытался увидеть, к чему же этот кошмар постоянно пытается его подвести. Вот только ясности в нем найти, пока не удастся.

«Что могли означать все эти страшилки, кажущиеся реальностью?» — Он думал про себя.

Ответа не было и сегодняшним утром. Впрочем, как и каждое утро последние две недели. Он слегка приподнялся над кроватью, и по его голой спине побежали сотни капелек пота. Он чувствовал под собой мокрую простыню, которая липла к его разбухшим ногам, и это было не самое приятное ощущение. Глаза его слегка с расширенными зрачками говорили о том, что страх до сих пор продолжает одерживать верх. Он чувствовал, как в его голове громко пульсирует, от чего перед глазами пробегает рябь. Он крепко схватил своими длинными пальцами перед собою одеяло и скомкал его под натиском кулаков. На его руках проступили вены после сильного напряжения, хотя, в этот момент напряженным были и все остальные части тела. Его мысли перебирали все возможности сна, но истина так к нему и не приходила. Сколько бы он не пытался

держат себя в напряжении, продолжая испытывать внутренние терзания и боль, этим самым еще больше отдаляясь от ясности мыслей, и в памяти не мог возобновить ужас ночи.

Голова продолжала пульсировать, а пот ручьем скатывался вниз на одеяло. Очередной ночной ужас пережит, словно в реальности. Занавешенные окна не пропускали солнечный свет в дом, и этот полумрак еще больше навеивал страх и тоску на него.

— Что делать? — Он думал про себя. — Может обратиться к местному лекарю?

А после начал смеяться беззвучным смехом. На его лице появилась странная улыбка. Она была настолько неестественна и отражала в этот момент эмоции, неприсущие этому облику. Что-то в ней было зловещее, подозрительное, в то время сам он в глубине души был совсем не такой личностью. Такие метаморфозы могли бы испугать его, если бы он это видел. Но перед ним не было ничего, что могло отражать его лицо. Перед глазами продолжала пробегать рябь. Она все искажала, из-за чего ему не удавалось вернуть свое сознание в реальность. Он понимает, где он, и что находится вокруг него, но это все храниться в его памяти, а перед глазами завеса.

Какие глупости к нему приходят в голову из-за сна. Он сам до конца не понимал, как лекарь

ему может помочь в такой ситуации? Лечить кошмары пока никто не умеет. Но все-таки сон продолжал тревожить его каждую ночь. Этот ужас был одинаковым, а детали в нем были настолько реалистичны, что не всегда было ясно спит ли он вообще.

«Когда это все прекратиться?»

Перед глазами завеса начала исчезать, и реальность в скором времени появилась. Парень окинул взором всю комнату, которая навеивала на него тоску каждое новое утро, после очередного однотипного кошмара. Потертые стены, полу мрачное состояние. Даже шкафы, вызывали неприязнь своим видом. А когда взор падал на собственную кровать, ненависть еще больше пожирала его.

«Или все эти неприязни связаны с очередным кошмаром?»

Он сам уже не знал, что с ним твориться. Эта комната всегда для него олицетворяла только приятные события. Сколько всего связано с этим местом. Можно даже потеряться в этих воспоминаниях. Вот только кошмар так и не хотел отпускать.

Молодой парень лет двадцати семи продолжал сидеть в кровати. Его карие глаза были слегка покрасневшими, а под ними виднелись фиолетовые мешки от постоянных недосыпов. Его лицо было помятое, а гримаса на лице еще больше отображала ненависть. Взъерошенные темные волосы на голове были средней длины. Слегка резкие черты лица и острый нос, делали его облик недружелюбным, хотя на самом деле это не так. Достаточно посмотреть в глаза этого парня, и посмотреть на его окружение, чтобы сделать выводы, кто он такой на самом деле.

Вскоре его мысли размылись вместе с ужасом ночи, так как рядом возле него зашевелилась любимая. Единственная, кто была спасением для него в этой мрачной комнате, и единственная, кто могла вернуть его полностью в реальность. Тогда-то и появлялся смысл во всей жизни и желание отпустить все плохое.

Девушка повернулась к нему лицом и медленно открыла глаза. Она посмотрела на него, слегка улыбнувшись, а ее белые кудри красиво раскинулись на подушке. Темно-зеленые глаза широко раскрылись, и сонливое лицо отразило контур узора подушки, приняв нежно алый цвет. Округлая форма лица смотрелась настолько милой и доброй, что казалось, в ней нет ничего злого. Ее небольшой носик был чуть-чуть задран вверх, и это

ее делало еще более добродушной. Девушка сначала посмотрела на парня, но потом, увидев во взгляде что-то неладное, быстро приподнялась и приблизилась к нему.

— Дорогой, что случилось? — Она спросила с беспокойством. — Опять кошмары?

— Да, — все что смог сказать он и чувствовал, как его немного трясет.

В комнате было прохладно, открытая влажная спина быстро впитала в себя холод.

— Может все-таки тебе обратиться к кому-то?

— К кому? — Не представляя, кто может помочь в такой ситуации, подумал он.

— Я не знаю, — задумчиво проговорила девушка, — может, кто-то знает, в чем может быть дело. Ведь тебе снится постоянно один и тот же сон. Это же ненормально.

Лицо девушки стало немного хмурым. Она расстроилась, увидев очередной ужас в глазах мужа после сна. Но, несмотря на ее угрюмый вид, девушка по-прежнему оставалась той нежной и добродушной особой.

— Откуда ты знаешь? — Огрызнулся парень в ответ, и гримаса продолжала быть на его лице.

— Я не знаю. Я так думаю, — девушка не обращала внимания на озлобленность, и продолжала спокойно говорить. — У меня есть хорошая знакомая, у которой есть связь с лучшим

лекарем Фогота. Давай к нему обратимся!

— Я надеюсь это не тот лекарь, который постоянно ходит с подкосившимися ногами от настойки? — Попытался пошутить он, широко улыбаясь. При этом намекая на целителя из их родного поселка. О нем ходит много всяких непристойных историй.

— Очень смешно, — в ответ тоже попыталась улыбнуться девушка, а после, решила сдержать свои эмоции, понимая, здесь смешного ничего нет. В итоге она убрала улыбку и посмотрела на мужа с укором. — А если серьезно.

— Ты мне уже его предлагала, но я думаю, он ничем здесь не сможет помочь, — парень перекрутил кольцо на среднем пальце правой руки, обдумывая слова жены.

— А почему ты не хочешь? — Не могла она понять. — Может, лекарь знает или хотя бы подскажет, как с этим бороться?

На что в ответ прозвучала лишь тишина. Он не мог ей признаться полностью в своем страхе. Было еще кое-что, чего парень не рассказал жене. И это было ужаснее постоянного кошмара. Ему так не хотелось казаться уязвимым от своих страхов, особенно перед ней. Он мужчина, защитник, а не тряпка, страдающая от кошмаров.

— Дорогой, не молчи, ответь мне что-нибудь? — Девушке молчание было

ненавистно.

— Я думаю, — парень взялся за голову, теряясь в своих мыслях, а девушка в это время прислонила голову к его плечу, — но не знаю, что делать.

— Послушай свою жену и сделай, так как она говорит, — улыбнулась девушка и решила убрать волосы с глаз.

— Ты права, — взял руку жены и чуть-чуть сжал в своей ладони. — Но тебе не кажется, что лекарь подумает, будто я психически не здоров, и назначит мне лекарства от внутренних расстройств.

— Я думаю, ты преувеличиваешь. Разве ты похож на больного человека. Это глупость, — попыталась успокоить мужа. — Не переживай, все будет хорошо.

— Эли, ты просто луч света данный мне судьбой, — сказал парень и почувствовал, как внутри него стало теплее, и это тепло разливалось по всему телу.

В самом деле, Эли для него была всем, что может быть так важно в жизни. И это не просто слова. Благодаря ее любви, доброте, все плохое отступало мгновенно.

— Я знаю, — воодушевленно сказала она. — А теперь давай завтракать, а потом пойдем к лекарю.

— Стоп, — остановил жену парень и

посмотрел на нее с укором. — Пойдем?

— А что? — Не совсем поняла девушка возражение мужа.

— Ничего, просто я планировал, что ты скажешь мне адрес, и я схожу сам.

— Значит, ты не хочешь моей поддержки? — Немного обиделась девушка, и на ее нежном лице появилась досада. Правда, если присмотреться внимательнее, досада на лице Эли была всего лишь женской уловкой, чтобы заставить мужчину чувствовать себя виноватым. Но это не сработало.

— Элизабет, твоя поддержка всегда будет со мной, даже если тебя не будет рядом.

— Вот ты какой, — сузила глаза Элизабет. Она посмотрела на мужа, а после поднялась с постели. Слегка потянувшись вверх, стоя босыми ногами на полу, пошла по комнате.

Девушка была невысокого роста, где-то около метра шестидесяти-шестидесяти двух. Но ее рост нельзя было назвать высоким или наоборот низким. Важно, что ее фигура, длина ног, бедра, талия и грудь были пропорциональны всему телу. Парень пристально наблюдал за ее движениями. Смотрел, как она подошла к шкафу и начала перебирать гардероб. Через минуту Элизабет выбрала сарафан голубого цвета и, скинув с себя белую ночную рубашку, оголила свое красивое тело. Откровенно продефилировав перед зеркалом, девушка, наконец,

решила надеть выбранную одежду. Нежно-голубого цвета сарафан очень шел Элизабет. Он подчеркивал ее идеальную фигуру. Неглубокий вырез на груди не был провокационным и в то же время умело притягивал взгляд. Длина сарафана чуть выше колен открывала стройные, длинные ноги и действовала, словно магнит.

Парень продолжал смотреть на девушку, не отрывая глаз от каждого ее движения. Девушка отошла от шкафа и подошла к окну. Раскинув шторы в стороны, яркие солнечные лучи резко осветили комнату. При этом свет немного просвечивал сарафан Элизабет, от чего взгляд парня снова был прикован на интригующих местах.

Теперь комната была более светлой и не такой угнетающей. В один миг все преобразилось в лучшую сторону. Потертые стены не смотрелись так убого, как это казалось ему ранее. Шкаф, который растянулся почти на всю стенку, начиная от входной двери и до самого окна, попал под обстрел сотни ярких лучей. Шкаф пусть и не был новым и существовал в этой комнате многие годы, все же не был настолько ужасным, каким видел его молодой парень, когда проснулся. Кое-где наблюдались вмятины и сколы на деревянной поверхности, но это ни являлось чем-то страшным или эстетически не красивым. В конце концов, это всего лишь шкаф, и его главная функция — хранить

вещи. А с этим он великолепно справлялся. К тому же он удачно скрывал за собой разбитый угол.

Светлые стены были не самым правильным решением, когда Эли с мужем делали ремонт в этой комнате пару лет назад. Они слишком быстро меняли цвет. Стали более тусклыми, да и пятна появились во многих местах. Лишь потолок, на удивление, оставался белоснежным, как будто его побелили еще вчера.

Сама комната была небольшой. Стояла кровать у правой стены напротив входа. Слева от нее стоял небольшой комод, где хранились вещи Элизабет. А в конце, почти упираясь в стену, стояло небольшое кресло, где особо никто и никогда не сидел. В стене слева кроме окна и темных штор больше ничего не было.

На противоположной стороне относительно кресла и стоял тот самый шкаф, где любила прихорашиваться, и наблюдать за собой Эли. Огромное зеркало посредине действовало на девушку точно таким же магнитом, как и ее прекрасный облик на мужа. Сложно представить, сколько времени тратит девушка, стоя у зеркала. Впрочем, парень в этом не видел ничего ужасного.

На правой стене над кроватью не было ничего, кроме одной старинной картины. Она и была завершением всей комнаты, если не считать небольшой круглый коврик коричневого цвета с

непонятым узором под ногами. Он расположился четко посередине комнаты. Пожалуй, это и все, что смогли уместить сюда Эли со своим мужем. С другой стороны, большего и не надо.

Когда солнце озарило всю комнату, жизнь снова вернулась к прежнему состоянию, и угрюмое утро превратилось в прекрасное начало солнечного дня, рядом с любимой. Девушка, посмотрев немного в окно, резко развернулась и увидела пристальный взгляд парня.

— Что ты так смотришь? Что-то не так? — Спросила Элизабет, окинув взором саму себя снизу-вверх.

— Нет, все хорошо, — быстро ответил парень и улыбнулся. — Ты прекрасна.

— Спасибо, — послала воздушный поцелуй прямым в кровать к любимому. — Давай, поднимайся.

— Слушаюсь, величайшая королева великого поселка Измаин, — начал подниматься парень, ползя по кровати к краю.

Девушка громко засмеялась после слов мужа. Ее насмешило выражение о великой королеве великого поселка Измаин.

— Я бы сказала, сельская девушка из села Измаин.

— Почему это ты так. Ведь не имеет значения, откуда мы, главное, кто мы есть, — серьезным

голосом ответил парень.

— Вот теперь я узнаю своего любимого философа Некромантуса, — застегивая пуговицы на спине, кивала головой девушка.

— Дорогая, я не философ, я алхимик! — С высокими нотами в голосе проговорил парень и начал одеваться.

Некромантус после того, как надел штаны, оставив голый торс, принялся к своим непослушным волосам. Они были хаотично раскинуты в разные стороны, и их усмирить было не так-то просто. Слегка завиваясь на концах, расческа постоянно цеплялась за волосы, выдергивая небольшие клочки. Процедура болезненная, но привычная для Некромантуса.

Парень так не любил свои волосы, особенно за ними ухаживать. По этой причине он старался не опускать их длину ниже, чем сейчас. Иначе, с ними не управился вообще. Некромантус каждое утро думал о том, чтобы остричься на лысо, но Элизабет этого не разрешала. Ей нравилась именно такая длина. К тому же, такая прическа, в самом деле, шла парню.

На теле алхимика было несколько ожогов, которые оставили глубокие шрамы — в области живота чуть ниже пупка, справа возле груди и на правой руке выше локтя. Телосложение Некромантуса было средним. Не сказать, что он

слишком худой, и все же, ему не помешало бы немного набрать в весе. Хотя, какие его годы! Ему только двадцать семь. Как говорится, еще все впереди. Рост молодого человека чуть выше метра восьмидесяти, отчего и бросалось в глаза его худощавость. Вес, попросту не пропорционален росту.

Некромантус подошел к жене и нежно обнял ее. Девушка ответила взаимностью и прижалась к любимому.

— Точно, — положила руку ему на грудь и, поднявшись на носочки, поцеловала мужа. — Ты алхимик.

— А тебе это не нравится? — Удивленно спросил Некромантус.

— Почему ты так решил? Конечно, нравится. Ведь ты мой ангел-хранитель. Да и не только мой. Скольким ты помог, приготавливая правильные зелья, разные мази и лекарства. Так что ты не прав. Мне нравится, что ты алхимик, — с гордостью сказала девушка и снова поцеловала Некромантуса.

— Это точно. Вроде бы и знаю все о лекарствах, а помочь самому себе не могу, — задумчиво проговорил алхимик.

— О чем это ты? — Не сразу перешла Элизабет с одной темы на другую и поспешила с вопросом. А после сама себе ответила. — А-а-а. Ты о снах.

— Да, — быстро ответил Некромантус, хотя думал совершенно про другое в этот момент, и сны здесь ни при чем.

— Дорогой, что ты привязываешь одно к другому. Ты алхимик, а не лекарь, и тем более сны читать ты не умеешь, лечить ты тоже не умеешь. Ты просто знаешь, что из чего можно сделать и от чего это поможет. — Элизабет пыталась как-то убедить мужа в том, что он не может быть всемогущим. При этом совершенно не заметила во взгляде алхимика тревогу, которая вовсе не связана с кошмарами.

— Спасибо, что разъяснила, а то я не знал, — Некромантус выразился грубовато, хотя этого совершенно не хотел. Он только думал о том, чтобы девушка не поняла в его взгляде истинную тревогу.

— Прости, дорогой, но по-другому ты не слышишь меня, пока не разъясню, — ответила точно так же, как и приняла слова мужа.

— Пойдем лучше завтракать, — Некромантус решил прекратить эти бессмысленные перепалки.

Парень накинул рубашку, при этом не стал застегивать ни одной пуговицы и подошел к жене. В очередной раз обнял ее, чтобы не казаться грубым, и не портить такое прекрасное утро своей угрюмостью. Вдвоем пошли к двери.

Алхимик отворил дверь спальни, при этом сделал безмолвный жест. Пропустил девушку

вперед, а после пошел за ней, хлопнув немного дверью. Они оказались в длинном мрачном коридоре. Справа, в самом начале него, была настежь раскрыта дверь, через которую еле просматривался путь. Он вел на задний двор. Нельзя было рассмотреть с этого ракурса, но там была еще одна небольшая комнатка. Это было то самое место, где нога Элизабет практически никогда не ступала. А если и ступала, то только на несколько секунд, чтобы позвать мужа.

Это была территория Некромантуса, и она существовала только для него. Здесь были все его установки, котлы и много разной всячины. Жена и половины не понимала для чего все это, но особо и не желала понять. Вообще Эли не очень любила эту комнату, и все что в ней находилось. Причина была самой простой. Алхимик постоянно отравлял себя различными парами и неизвестно еще чем. Но понимала, что мужу нравилось это дело, и благодаря этой комнате, Некромантус приносил хорошие деньги.

Алхимия очень многогранная наука, и каждый к ней подходил по-своему. Некромантус, в первую очередь, искал не путь к бессмертию или открытию чего-то нового, что являлось одним из самых важных желаний для любого алхимика. Он хотел создавать то, что будет спасать жизни. Его не интересовало, как из других металлов получить

золото, и стать самым богатым благодаря этому. Это слишком банально для него и глупо. Поэтому его направленность алхимии была более склонна к медицине, правда немного нетрадиционной. Не имело значения, главное, что помогало нуждающимся больным. Но, тем не менее, еще со школьных парт к нему привязалось прозвище алхимик, и по сей день — это так.

Элизабет и Некромантус не спеша делали шаг за шагом по темному коридору, зная, спешить лучше не стоит. Иначе можно за что-нибудь зацепиться. Здесь не было ни одного окна, и только стены, облагороженные в светлый тон, хоть как-то разбавляли мрачность вокруг. Позади, осталось две двери. Одна из которых, была их спальня, а вторая настежь раскрытая, вела на задний двор. Но рассмотреть ту самую рабочую комнату отсюда было невозможно. Узкий коридорчик уходил резко в сторону. Впрочем, ни Элизабет, ни Некромантусу, это не нужно. Собственный дом они знали наизусть. Они жили здесь многие годы.

Двое шли дальше по коридору все теми же неспешными шагами. Справа возле стены был узкий длинный шкаф с зеркалами. Мало того, что он еще больше сужал, итак, узкий коридор, вдобавок оставлял много синяков и ссадин среди ночи. Особенно, когда Некромантус в сонном состоянии ходил мимо него на кухню попить

водички. Не говоря о злых словах, льющихся из его уст, когда полусон нарушается от боли. Конечно, с этим можно было что-то сделать, и шкаф мог оказаться где угодно, но не здесь, вот только сам Некромантус не захотел ничего менять. Почему? Даже Некромантус не знал ответа.

Почти в самом конце коридора было разветвление в две стороны, здесь и появлялись проблески дневного света. Двери в эти две комнаты, как правило, ни Эли, ни Некромантус не закрывали, этим самым видели свет в конце пути. Дверь слева вела в зал, а правая на кухню. Была еще одна дверь в конце коридора, это вход в дом.

План этого дома был необычным. После входной двери толком не было никакой прихожей. А если ее считать, то она сразу переходила в длинный коридор. Где-то в двух метрах от входной двери, слева, была стена, которая резко обрывалась дверью в кухню. Так же и с правой стороны, где дверь вела в зал.

Дом Элизабет и Некромантуса был небольшим, но больше им и не надо было. Они жили вдвоем, и пока о пополнении в семейство не думали, поэтому их все устраивало. Некромантус всегда говорил, придет час, они соберутся и покинут этот дом, а вместе с ним и этот поселок навсегда. Но пока время не пришло.

Отворив дверь на кухню, Некромантус толком

не осматриваясь вокруг, сразу прошел к столу и принял сидячее положение на ближайшем стуле, оказавшись напротив печки у стены. В его голове каждое утро срабатывал один и тот же рефлекс. Первый из них происходил после ужаса ночи, схватываясь в холодном поту, а второй, когда он оказывался здесь, и все вокруг снова становилось где-то за пределами реальности.

Элизабет без удивления, и даже не испытывая обиду, от того, что ее муж так быстро изменился, когда оказался на кухне, и вся его внимательность куда-то испарилась, просто пошла к печке. Кухня у них была большая и просторная. Здесь было, где разгуляться, и пройтись. Слева у окна стоял небольшой прямоугольный стол с тремя стульями. Они стояли на каждой из сторон, кроме той, что была у окна. Печка занимала центральную часть и являлась особой частью Эли. Здесь она любила проводить время, когда у нее оно было.

С левой стороны от печи стоял стол для приготовления. На нем стояла хлебница, и разных размеров доски для нарезки. С правой стороны от печки стояли шкафы, которые вдоль стены переходили на другую сторону, и шли по всей стенке, упираясь в угол. Круг комнаты замыкался на входной двери. И вроде бы на кухне всего было в достатке, а все же оставалось много места, где можно было разойтись не только вдвоем, без

проблем. Поэтому центр был пустым и просторным.

Некромантус, прикованный взглядом к столу, ничего не видел вокруг себя. Сейчас это не имело значения, так как утро на кухне начиналось с того, что он брал кусочек пергамента в руки, и принимался его в очередной раз изучать. Так происходило последние две недели. Некромантус всматривался в этот кусок скомканного, с первого взгляда неприметного, грязного листочка, пытаясь понять, что в нем хранится.

«Какова его ценность?» — Задавал сам себе вопрос Некромантус, но пока внятного ответа его мозг не мог выдать.

Было видно по краям пергамента, неаккуратные, рваные участки. Алхимик провел указательным пальцем по верхнему краю, чувствуя, как неровности сначала цеплялись за шершавую подушечку, а после скользили, еле касаясь, и наоборот, пока палец не дошел до самого конца. Некромантус осмелился предположить, что этот потертый старый клочок листка когда-то принадлежал книге древнего писания. В этом видел смысл Некромантус, так как символика, изображенная внутри, частично ему была знакома, и ее древо уходило далеко в прошлое.

Некромантус приблизился настолько близко к куску пергамента лицом, чтобы видеть его

максимально точно, и ничего не упустить из виду. Вдруг, найдет то, чего еще не обнаружил?

Чернила в пергаменте были тусклыми и теряли детализацию в некоторых местах, но в целом это не мешало понять общую картину. Сам пергамент был выцветшим и покрыт небольшими трещинами. Пока Некромантус продолжал внимательно изучать листок, в его голове крутилась мысль, и она его с одной стороны пугала, а с другой смешила.

«Вдруг этот клочок пергамента имеет какую-то особую силу?»

Кошмары у Некромантуса появились в тот самый вечер, когда он нашел этот клочок листка. Хотя не совсем так. Было еще кое-что, и оно было в сотни раз ужаснее сна. Просто парень пытался это выкинуть из своей памяти, и вообще не думать, и не вспоминать больше никогда. Некромантус боялся этих воспоминаний, особенно дома. Пусть Элизабет мысли и не умеет читать, но в глазах мужа может прочесть тайну. А если он раскроет жене всю правду, парень не представляет, что будет.

Поэтому Некромантус старался не думать, и тем более не говорить при жене об этом. Он вообще старался делать вид, будто его мысли только зациклены на пергаменте, чтобы Элизабет ничего не заподозрила. Но это тяжело было сделать. Некромантус не любил врать и что-либо скрывать

от любимой. Ведь сам прекрасно знал, рано или поздно истина всплывет.

Этим временем Элизабет стояла возле печки и вовсе не видела мужа, который сидел позади за ее спиной. Эли сейчас была занята дровами, пытаясь их зажечь. И пока это не произошло, смотрела только перед собой. После того как огонь хорошо разгорелся, девушка оторвалась от печи и принялась подготавливать на столе пищу для завтрака. В кухне была тишина, лишь только треск дров в печке, немного разбавлял молчание утра.

Некромантус продолжал быть безмолвной, застывшей статуей. Глаза его не отрывались от пергамента, внимательно изучали дальше все содержимое. Казалось, так и будет продолжаться эта тишина, но первой сдалась Элизабет. Когда она повернулась в сторону мужа и увидела этот каменный вид выражения лица, захотела вернуть его к обычному состоянию.

— Дорогой, ты разобрался, что там нарисовано? — Решила Элизабет начать разговор ни с чего, надеясь, что сможет вовлечь его в беседу и в то же время отвлечь от куска пергамента.

Если бы это не был кусочек обычного листка, Эли начала бы уже ревновать мужа, который больше уделяет внимания не ей. И если несколько первых дней девушка спокойно реагировала на это, то спустя две недели одного и того же утра,

начинала нервничать.

«Сколько можно?» — Выкрикивала она громко, но только внутри себя.

Не хотелось ей устраивать семейные ссоры на ровном месте, зная, что это ни к чему хорошему не приведет. Тем более Элизабет умела контролировать свои эмоции, и в первую очередь старалась отвлечь мужа нормальным спокойным разговор, а не утренней злобой.

Правда Некромантус продолжал вести себя провокатором, сам того не понимая. Даже после вопроса любимой, его взгляд ни на секундочку не оторвался от пергамента, но хотя бы слышал ее. Ответ за ним не потребовалось долго ждать.

— Это какое-то зелье, вперемешку еще с чем-то, состав и символика которого мне пока не понятны, — задумчиво проговаривал Некромантус, а в голове прокручивал все возможные составы, подходящие для этого изображения.

Эли несколько секунд посмотрела на мужа, при этом начала качать головой из стороны в сторону. И вроде бы в какой-то момент, злобная эмоция хотела появиться на лице, но все же здравый смысл и ее легкая приятная улыбка, взяли верх. Девушка просто развернулась и дальше занималась приготовлением завтрака.

Алхимик продолжал долго всматриваться в свиток, пытаясь найти в нем конечную, которая

должна была быть видимой. И все же он не мог найти ответы. Потому что все знания парня, хранившиеся в его голове и накопившиеся за долгие годы, не смогли ему дать ответ на все эти символы, нарисованные на клочке пергамента. Это и удивляло и в то же время злило Некромантуса. Быть лучшим алхимиком в Фоготе, и смотря в это изображение, он понимал, что еще далек от многих вещей. Его знания и умения ему не помогли в данной ситуации.

Только два компонента, представленные из восьми на пергаменте ему были знакомы. В то же время эти два компонента его заводили в очередной ступор. Он не представлял, как они могут быть в одном составе. Если говорить более обширно, Некромантус не припомнил ни одного момента, когда эти два элемента могли встретиться. Они просто не могли существовать вместе никаким реальным образом. Более того, они ни к чему хорошему не приведут, и в этом парень был уверен наверняка. Но мысль того, что клочок пергамента был кем-то создан, поселили сомнения в алхимике.

«Что если такое, может быть?» — Думал про себя парень, понимая, что его знания и изображения, противоречивы друг к другу.

— Дорогой! — Элизабет попыталась во второй раз вовлечь в беседу мужа. Ей действительно становилось скучно, и даже одиноко.

Когда Эли повернулась лицом к Некромантусу, заметила все тот же задумчивый хмурый взгляд мужа. Она увидела в нем не просто удивление или злобу, а скорее всего отсутствие понимания написанного.

— На твоём лице написано, что ты по-прежнему в ступоре.

— Эли, я не просто в ступоре, я в глупом положении. Впервые в жизни смотря на состав зелья, я не понимаю. С одной стороны, у меня мелькает мысль о том, что это нарисовал идиот, а с другой стороны думаю, что возможно, я идиот! — Не отводя глаз от пергамента, сделал заключение Некромантус, и в его голосе проступала неконтролируемая злость.

— Очередное утро, и в очередной раз ты говоришь одно и то же, разными словами. Но все же прошу тебя, не говори такого, — Элизабет оторвалась от готовки, подошла к мужу и села ему на колени, нежно обняв его руками вокруг шеи. В ход пошли женские чары, чтобы попытаться отвлечь мужа. — Я не думаю, что ты идиот. Скорее всего, здесь какая-то ошибка. Может, кто-то посмеялся на этом грязном клочке.

— Не знаю дорогая. Но что-то мне кажется, что здесь есть смысл. Правда, я его не вижу. Смотри вот этот компонент, изображенный слева, окруженный с этим элементом справа, шестью

другими, — Некромантус водил пальцем по каждому элементу, снова вернулся к первому из перечисленных, — есть камень мифрил. Этот камень используют в основном в темном искусстве, для приготовления зелий, чтобы принести зло тем, кто его примет.

Некромантус сделал паузу, обдумывая все что сказал, а после продолжил.

— Вот этот элемент называется благо, — алхимик указал на правый элемент пальцем, который также находился окруженными шестью остальными. — Его используют монахи в храмах и церквях, для очищения. Благо при этом помогает, как живым существам, очищая от плохого, так и предметам, на которых может быть проклятие.

— А как это благо добывают? — Поинтересовалась Элизабет.

— Вообще это слезы священных мучеников.

— Ого, — удивилась девушка, — я не думала, что такое бывает.

— Эли, в мире столько всего бывает, что для нас неизвестно. Кстати о неизвестном, — словил, предыдущую мысль парень, — вот эти шесть элементов, которые раскиданы вокруг основных двух, мне не понятны вообще.

Некромантус, наконец, увел взгляд от клочка пергамента и положил его на стол. Парень посмотрел на свою жену, которая продолжала

сидеть у него на коленях, и внимательно его слушала.

— Но вопрос даже не в них, — отмахнул рукой парень, понимая, что уже на первом этапе, распознавания двух символов он не видел смысла. — Вопрос в том, что мифрил и благо, никогда не используются вместе. Они противоречивы по смыслу.

— А почему противоречивы? — Элизабет всматривалась в пергамент на столе, и все, что на нем изображено. Правда, понять в этих рисунках смысл ей не дано, для девушки это были просто символы, не несущие за собой никакого смысла.

— Потому что мифрил это темное искусство, связанное со злом, а благо — это чистота, связанная с добрыми силами. И находясь в одном месте, я думаю, что они уничтожат друг друга. Я более чем уверен, что мифрил в этой жидкости просто растворится и черным осадком всплывет вверх.

— А с чего ты взял, что так именно произойдет? Предположение? — Девушка встала с колен мужа, и не спеша прошла по кухне. Ей удалось отвлечь мужа, а значит можно вернуться на исходную.

— Да, — кивнул Некромантус, провожая взглядом Элизабет.

Эли ничего не сказала на положительный ответ алхимика, а лишь продолжила заниматься у

печки. Что-то доставала изнутри, перемешивала, добавляла и снова ставила обратно внутрь. Некромантус этого не видел, так как снова уставился в тот же кусочек пергамента.

— Все это очень странно, — тяжело вздохнул Некромантус, не замечая, что проговорил мысли вслух.

— А тебе не кажется, что проблемы с твоими кошмарами связаны с этим пергаментом? — Девушка начала связывать одно с другим, не понимая самого главного, она на истинном пути.

Некромантус не ответил ничего. Но в его голове эта мысль уже промелькнула неоднократно. Кошмары начали тревожить парня тогда, когда этот кусочек, вырванный из какой-то книги, появился у него. В один миг, в голове всплывала еще одна часть той ужасной ночи, что так старательно он пытался забыть. Возможно, дело вовсе не в пергаменте, а именно...

Некромантус останавливал себя, опуская мысли. Если он все возродит в своей голове, глаза парня тут же выдадут его, и Эли начнет понимать, дело здесь намного серьезнее, чем просто кошмары и загадочный кусок пергамента. А историю его нахождения алхимик должен скрыть от жены, и на это у него были свои доводы. Вот только правильные они или нет, понять Некромантус не может. Во всяком случае, пока.

И тут же в голове появлялись сомнения. Некромантус понимал, держать такую тайну в себе тяжело. Во-первых, хотелось поделиться с женой тяжелым грузом, который гложет его, а во-вторых, он не привык что-либо скрывать от Эли. У них в семье такое не принято. Они всегда делились между собой чем угодно, будь то победы или поражения, не имеет значения. Главное, что они откровенны и открыты друг перед другом. И, несмотря на понимание, и уважение к жене, Некромантус все же останавливал себя. Он не решался раскрыть тайну и сегодняшним утром. До сих пор из-за той ночи, когда он нашел клочок пергамента, его кидает в дрожь. В том момент он думал, что умрет.

«Нет, такое говорить не надо», — убедил себя Некромантус окончательно, молчать, и мысленно поставил в этом моменте жирную точку.

Алхимик вернулся к шести элементам, о которых он ничего не знал. Символы не поддавались пониманию парня. Они никогда не встречались ему ни в одной книжке, а литературы он перечитал немало, пусть и в свои всего лишь двадцать семь.

«Может та информация, которая у него есть недостаточная?» — Думал про себя Некромантус.

«А может, это символы и вовсе не знакомы обычным людям? Возможно, есть какие-то другие силы, которым известно об этом?» — Развивал

дальше идею алхимик, понимая, это ничего не даст. Истина все равно от него сокрыта.

Некромантус продолжал всматриваться в них под другим ракурсом, в надежде найти скрытый подтекст. Шесть элементов создавали невидимый овал вокруг двух других символов, единственных известных парню на этом кусочке пергамента. Начал Некромантус с символа, который был изображен над мифрилом немного выше и левее. Этот символ был похож на летучую мышь, заключенную в круг. Можно было предположить, что этим выделением в виде кольца, создатель рисунков, пытался надоумить на мысль, будто это начальный либо основной элемент. И все же, дальше этого Некромантус не смог пройти.

Следующий символ, который шел за первым по часовой стрелке, изображал два прямоугольника разных размеров. Их окружали пять небольших закрашенных точек. Не было в голове никаких ассоциаций и предположений, что это могло означать. Как правильно охарактеризовать такой символ, Некромантус не знал. Поэтому, долго не задерживаясь, тут же переводил взгляд дальше.

Следом за этим символом находился еще один рисунок, последний по высоте невидимого овала. На нем был изображен череп человека. Единственное отличие было в том, что у него на голове были небольшие выступы, похожие на

рожки. Они были еле заметны невооруженному глазу.

Следующий элемент находился ниже благо и чуть правее. По вертикали этот символ совпадал с черепом и был продолжением все того же овала, который воображал в голове алхимик. На этом рисунке была изображена еще большая неразбериха, чем два прямоугольника вокруг пяти точек. Здесь фантазии не хватало у Некромантуса, чтобы как-то это описать. Поэтому он ее просто опускал и переходил к следующему символу.

Этот элемент был яснее по виду, но снова ж таки не понятно к чему он изображен. Пятый символ являлся ромбом. Он был полностью закрашен, а в середине него была какая-то гравировка. Естественно рассмотреть ее было не возможным, так как она была микроскопической. Учитывая состояние пергамента, это еще больше усугубляло положение. Некромантус лишь тяжело вздохнул, с пониманием того, что ничего не понимает, перевел взгляд немного левее.

Завершающий символ, который находился снизу и левее от мифрила, была голова, спрятанная под капюшоном. Все, что было открыто, так это часть искореженного лица в шрамах. На этом изображении на пергаменте закончились, в то время количество мыслей в голове увеличивалось.

— Ты продолжаешь все думать? —

Наблюдала из-за плеча Элизабет за мужем. А он, все продолжал смотреть на клочок пергамента, словно листок рано или поздно сдастся и раскроет все свои тайны алхимику.

— Знаешь, меня начинает посещать мысль, что пергамент — это не просто элементы, какого-то зелья, эта карта неизвестного места. Только вопрос, какого?

Строил новые догадки Некромантус, прекрасно понимая, сидя дома, и ничего не предпринимая, каждый новый день не добавляет ему познаний.

— Милый, а может тебе просто выкинуть его и не морочить голову. Может, и кошмары тебя оставят, когда ты распрощаешься с этим пергаментом. Ты каждое утро всматриваешься в него, пытаешься отгадать какую-то тайну, которой вовсе может и не быть. Тебе не кажется, что это какая-то ерунда?

Элизабет сдерживала себя, хотя можно было заметить, что очередное утро вокруг какого-то клочка пергамента, уже надоедает ей. Вместо того чтобы радоваться новому дню и обсуждать свои проблемы, они думают о символах, только вопрос: «Зачем?»

— Я не знаю, — пожал плечами алхимик, а его взгляд продолжал сверлить клочок пергамента, — но мое внутреннее чутье

подсказывает мне, все это неспроста. Что-то этот пергамент пытается сказать. Просто у меня нет нужной информации, чтобы понять это.

Некромантус пытался все же видеть смысл, хотя маленькая частичка его готова была согласиться с женой.

— Хватит! — Немного огрызнулась Эли и отошла от стола. В ее глазах сияло яркое пламя, и такой Некромантус ее давно не видел. — Выкинь это из головы. Ты лучше сходи сегодня к лекарю и поговори о своих кошмарах. Меня заботит твое самочувствие, а не какой-то кусок тряпки, на котором изображены символы, из-за чего у тебя две недели нет покоя.

Некромантус решил ничего не говорить, чтобы еще больше не раздражать жену. Хотя и считал, она не права. Все же воздерживался от лишних споров. Он пытался и ее понять, и в то же время не мог отпустить свою тревогу. Элизабет не алхимик, и загадки не ее конек, поэтому они по-разному смотрели на одну и ту же ситуацию.

— Я вообще не понимаю, как ты умудрился найти этот пергамент? — Вспомнила Элизабет тот момент, когда Некромантус нашел две недели назад клочок, возвращаясь поздно ночью от своего друга.

— Я же тебе уже рассказывал. Шел от Роланда, и зацепился за корягу, упал и увидел его, — убедительно говорил алхимик, при этом

отвел глаза в сторону.

Некромантус боялся встретиться глазами с женой, понимая, что она увидит в них ложь. А эта ложь его тревожила очень сильно. То, что произошло с ним на самом деле, она не должна узнать. Но кроме странной встречи, парень скрывал в себе еще одну большую тайну на протяжении двух недель. Возможно, все это не правда. А если, правда?

«Что тогда?» — Думал про себя алхимик.

Идти к лекарю Некромантус согласился с осторожностью, а вдруг тот подтвердит его опасения? Поэтому он так долго не соглашался на этот шаг. Алхимик не знал на самом деле, хочет ли он знать правду или лучше быть в неведение? Этим самым искал оправдания и отговорки для Элизабет.

Но теперь он решил окончательно, что ему нужно знать правду, и понял насколько это важно. Теперь его начало это волновать. Сейчас ему нужно мнение лекаря, который мог подтвердить или опровергнуть подозрения парня.

Через некоторое время, Элизабет поставила на стол завтрак и налила чай. Некромантус отложил пергамент в сторону, и молча приступил к еде, продолжая все летать в своих мыслях. Девушка с небольшой досадой того, что муж продолжает игнорировать ее и думать о чем-то, чем не делился, смотрела в занавешенное окно, сквозь которое

пытались просочиться лучи солнца. У нее было такое чувство, словно ее променяли. А самое обидное, это сделал любимый человек. И как бы она не пыталась себя убедить в том, что это не так, а Некромантус просто не может отпустить от себя загадку, ей легче не становилось.

Завтрак закончился все тем же молчанием. Элизабет собрала всю посуду и отставила ее на стол возле печки. Она надеялась, Некромантус додумается ее помыть. При этом не сказала ни слова. Девушка пошла в спальню, чтобы переодеться и собраться на работу. Алхимик понял жест жены. Еще минутку посидел на месте, а после встал со стула, принялся мыть посуду. Сегодня ему некуда было спешить. Была только одна задача на день — пойти к лекарю. Некромантус считал, это может и подождать.

Через пять минут времени или около того, Элизабет зашла на кухню, одетая в платье светло-синего цвета и посмотрела на мужа. Когда она увидела Некромантуса, на лице у нее появилась легкая улыбка. Grimаса тут же испарилась, и она вернула прежний вид лица. Все-таки приятно было наблюдать, как любимый человек без слов и просьбы взялся за работу на кухне.

— Дорогой, я ухожу, — обратилась девушка к алхимику.

— Хорошо, — под нос сказал Некромантус,

так и не повернув взгляд на жену.

Девушка начала себя чувствовать ужасно. Не нужно было слов, чтобы понять, Некромантус был обижен. Эмоции Элизабет были не уместны. Причем алхимик прекрасно понимал, он неправильно поступил. Сидеть, постоянно уткнувшись в кусок пергамента и вовсе не обращать на жену внимания, это не красиво. И все же слышать с ее стороны злобу, было неприятно. Элизабет в его глазах олицетворяла только добро, нежность и красоту. А сегодня ее занесло в противоположную сторону.

— Адрес лекаря, я положу на стол. Скажешь, что ты от Ореаны, — Эли тем временем достала из сумки листок и положила его на край стола.

— Хорошо, — повторился парень, все так же, продолжая мыть посуду.

— Тогда до вечера, — не зная, что еще сказать, Элизабет повернулась спиной и вышла из комнаты. После скрипа двери, алхимик понял, она покинула дом.

Эли не спеша прошла к калитке и продолжала чувствовать досаду внутри себя. Возможно, она неправильно повела себя с мужем, от чего он даже нормально не провел ее, увидев в ней озлобленность. Девушку это начало тревожить еще сильнее. Эли была готова вернуться домой и извиниться, но в последний момент остановилась,

она, итак, уже опаздывала на работу. Элизабет решила, что исправит положение вечером, и эта мысль ее успокоила.

Но девушка не увидела взгляд парня, который стоял к ней спиной, и не могла знать то, что Некромантус также чувствовал вину перед ней. Его бесило, что собственное любопытство и желание раскрыть тайну, пренебрегало любимой. Алхимик разложил чистую посуду по местам, а после подошел к столу. В этот раз его рука потянулась не к пергаменту с изображенными символами, а то, что оставила жена. Некромантус принялся читать все, что было написано.

***«Королевство Фогот. Поселок Ангор. Улица
Правая, дом 15. Лекарь Том»***

Некромантус несколько раз прочитал послание, а после положил в карман листок, покинул кухню. Прежде чем уйти из дома алхимик посетил спальню и переоделся в уличную одежду. Застегнул все пуговицы на рубашке. Аккуратно заправил ее в штаны и, убедившись, в зеркале, что все сделано правильно, ничего нигде не торчит, а на голове порядок, прошел по коридору к входной двери, и вышел.

Закрыв за собой калитку, алхимик осмотрел

свой дом со стороны, который находился по адресу, ул. Центральная, дом 58. Такое чувство, будто парень ему что-то шептал перед уходом. Было не различить, о чем он говорил. Но по взгляду алхимика было видно одно, он очень сильно переживает из-за возможных слов лекаря. А если быть точнее, что лекарь может подтвердить его опасения.

ГЛАВА 2

«СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ»

Двумя неделями ранее

Некромантус гостил у своего давнего друга Роланда. Он жил на восточной стороне поселка Измаин, практически у окраины. Наступил вечер, и солнце давно спряталось за горизонтом. Июньская погода была невыносимой. Страшный зной, от которого не было спасения среди дня, изматывал всех. Только когда солнце уходило за горизонт, вечера становились более или менее щадящими для любого живого существа. Если вспомнить, то королевство Фогот давно не видело такой жары. Словно природа сама навлекла на себя адскую силу солнца, и палило с такой силой, что в некоторых местах почва начала расходиться, образуя между собой трещины.

Все обитатели ждали дождя. А он, словно покинул эту часть земли. Создавалось впечатление, будто он опасался чего-то и обходил стороной эти края. Многие боялись за свой урожай. Был огромный шанс, что без дождя все пропадет. Для селян урожай — это жизнь. Поэтому все были на иголках из-за погоды, и их охватывала паника от возможных последствий такого зноя.

Но, несмотря на это, вечером в поселке жизнь оживала. Все потихоньку начинали жизненный цикл. Появлялись люди на улице. Молодежь собиралась своими компаниями во дворах. Старики сидели на лавочках возле домов и о чем-то громко вели дискуссию с соседями. Кто-то работал в собственных садах, так как днем это было сделать невозможно из-за жары. Старались как можно больше принести в ведрах воды. Поливали сад, огород, с надеждой, что это хоть немного поможет росткам не погибнуть.

Некоторые из селян и вовсе не волновались по этому поводу, они просто собирались вечером в гости, кто к друзьям, соседям, кто к родственникам. Впрочем, как и Некромантус, который наведаясь к другу. У них с Элизабет не было огорода, и они по этому поводу не волновались. Единственное, за чем они следили, это был их небольшой сад, где было несколько яблонь и кустарников с ягодами. Остальное не имело значения, так как алхимик

придерживался той мысли, что лучше зарабатывать деньги и покупать все необходимое, чем выращивать и тратить на это свои силы.

Некромантус пришел к Роланду в гости, параллельно занимаясь общим делом. Они вдвоем давно занимались совместной работой, в которую каждый из них приносил свои умения и таланты. Некромантус был одаренным человеком в алхимии и мог сделать любое зелье, противоядие или что-нибудь другое, что могло помочь не только людям, но и другим расам в Ааматмеи. Роланд был отличным умельцем в поисках тех, кто нуждался в помощи алхимика. Причем он был лучшим в своем деле. У него всегда были так называемые покупатели, благодаря которым у них постоянно было много работы, а соответственно и доход.

Так они вместе и промышляли общим делом, зарабатывая себе на жизнь, и в то же время, помогая тем, кому это было необходимо. И в этот вечер была встреча не просто для того, чтобы посидеть и поговорить. Алхимик создавал новое зелье, которое заказали из соседнего поселка. Зелье после приготовления должно было помочь одному больному человеку, страдающему от колики в животе. Ни один лекарь не мог ему помочь, поэтому пригодились знания и ум алхимика. Зелье не было сильно сложным, но приготовление его было очень щепетильным. Поэтому нужно было

выдержать четко последовательность ингредиентов.

Некромантус занимался своим делом в основном в доме Роланда либо у себя в комнатухе, которая находилась по пути коридора, ведущего к заднему двору. Элизабет слишком была восприимчива к разным запахам, и поэтому алхимик старался не допускать ее к своему делу. С другой стороны, ему у Роланда было интереснее, так как пока он был заморочен зельем, его друг рассказывал об очередных своих похождениях по одному из поселков Фогота на юге.

— И вот представляешь, уже полночь, вокруг сплошная тишина. А темень такая, что не видно в полу метрах никого и ничего, — рассказывал с энтузиазмом Роланд. — И я эту Лиру, или как там ее, пытаюсь обольщать. Естественно, без пару стаканчиков бабушкиной настойки не обошлось. В общем, ты понимаешь.

Некромантус в это время мешал ложкой против часовой стрелки зелье в небольшом чугунном горшке, и, смеясь от рассказа друга, смотрел то на него, то на приготовление. Хотелось успеть увидеть выражение лица Роланда, а в момент рассказа оно было очень смешное. И в то же время не упустить превращение зелья, иначе, придется все переделывать заново.

Роланд в отличие от друга, был более жизнерадостной личностью. Его лицо, его улыбка,

они притягивали к себе. Он умел сделать такой образ на лице, что ему поверил бы кто угодно, и более того, влюбить в себя Роланд мог, не прилагивая особых усилий. Что-то было в нем такое особое, и, как правило, это помогало получить, чего хочется. Для него не было девушки, которая не растаяла бы после его слов и ни смогла бы устоять перед его особенным взглядом.

Некромантус знал правду, потому что Роланд стал таким на его глазах. Он долго оттачивал мастерство соблазна, причем это касалось не только внешности, но и выбора одежды. Вкус к стилю у Роланда был, а самое главное, он нашел свой. Его волосы всегда были чистые, аккуратно уложенные. У парикмахера он бывал настолько часто, что ему каждую пятую стрижку делали бесплатно. Русые волосы он всегда оставлял средней длины, при этом уши были открыты, а сзади они немного заходили за пределы шеи. Челка была немного хаотичной, потому что прямая ему не шла.

Голубые глаза пусть и были с виду холодными и слегка хитрыми, он умел с ними совладать и выдавать то, что ему нужно. Рост Роланда был чуть выше Некромантуса на пару сантиметров, и телосложение при этом было не такое худое. Он не был широкоплечим. И все же его плечи были заметнее, чем у Некромантуса. Да и сами руки были мощнее, выделялись мышцы на

фоне футболки, чего нельзя сказать об алхимике. Было видно, Роланд следит не только за внешним видом, но и за собственным телом. Впрочем, в этом удивительного ничего нет, ведь он должен быть всегда на высоте.

Даже будучи дома, зная, что гостей, кроме Некромантуса, сегодня не будет, Роланд одет в чистую одежду, в которой ходит на улицу. На его голове порядок, лишь только в голове не совсем. Он готов к любому повороту событий, пусть даже вечер ничего не предвещает.

На задаваемый вопрос: «Зачем?», Роланд отвечал, что это профессиональная издержка. Некромантус, когда слышал эту фразу, всегда смеялся, но в глубине души соглашался с этим высказыванием, понимая, что равных в мастерстве Роланду никого не встречал.

— Роланд, ты, как всегда, без приключений не можешь, особенно, если в них участвует женский пол, — проговорил Некромантус, а на его лице улыбка не сползала. Обычная угрюмость лица куда-то подевалась, когда губы растягивались от положительных эмоций. Алхимик становился совершенно другой личностью, той, которая скрыта внутри него, и ее можно увидеть только, когда заглянешь в глаза. Или же, когда Роланд рассказывал смешные истории.

— Ну, прости Некромантус, я же не такой, как

ты, верный муж, я люблю новизну, интригу, — с захватыванием духа говорил Роланд, сидя на диване.

Он развалился по-хозяйски на широкой мягкой мебели. Ноги были закинута на стеклянный столик, и в полулежащем состоянии Роланд курил свою трубку с приятным запахом табака. Впрочем, этот запах доходил до Некромантуса частично, так как из его котла шли совершенно другие запахи, и они были не так приятны. Такие ароматы перебивали все что угодно своим едким травянистым ярко выраженным привкусом, от чего в горле першило.

Сама комната, как и весь дом полностью олицетворяли своего хозяина. Так называемая холостяцкая берлога. Нельзя сказать, что здесь было грязно, наоборот, Роланд любил чистоту и порядок. Несмотря на то, что женской руки здесь не хватало, все же атмосфера была приятной. В комнате было уютно, вещи не валялись, где попало, как это принято в сугубо мужском доме. Конечно, кое-где можно заметить пыль, причем ее давно никто не вытирал, но это уже было слишком.

Все в комнате сконцентрировано на том самом месте, где вальяжно расположился Роланд. В его понимании диван или кровать считалось основой любого дома. Не зря этот светло-песочного цвета, мягкий, можно сказать огромный,

притягивающий к себе диван, стоял именно посредине. Он — первое, что кидалось в глаза, когда оказываешься в зале-спальне. У Роланда две разные комнаты являлись одним целым. Причем сама комната, его когда-то в прошлом детская, осталась в таком состоянии, какой была всегда. Он ничего там не трогал и не менял, впрочем, и заходил туда очень редко.

В зале стоял и его новый шкаф с вещами, он находился позади дивана у стены. Там же разместился и комод, который до сих пор Роланд не знал, чем наполнить. Никаких картин, и всякой чепухи (так это он называл) не было. Вообще, в комнате был минимализм. Не было ничего лишнего, только все необходимое.

Очень часто зал являлся еще и кухней. Роланд мог прямо в камине готовить еду, чтобы не идти на кухню к печке. Все сконцентрировано в этом месте, и стены видели здесь многое, их уже ничем не удивишь. Если бы эти деревянные заштукатуренные вертикальные перегородки могли говорить, наверное, никогда не замолкали.

В этой комнате проходила большая часть жизни Роланда. Здесь выполнялась работа, происходили обеды и ужины, а вечером — страстные ночи до самого утра. И все в одном месте, потому что других Роланд не хотел знать. Не умел он и ни хотел все разделять по общепринятым

правилам. Есть одна комната, и она терпит такую жизнь.

Одним из важных моментов комнаты было специально отведенное место для своего друга. Это место находилось на промежутке от стеклянного стола и камина. Стоял старый черный стол, который Роланд забрал с кухни (там он давно не сидел, и уж тем более не ел). Необходимые подручные средства для Некромантуса: табуретка, котел, разные мешалки, флаконы и так далее. Причем это место узаконено на этой территории, и Роланд никогда его не трогал.

Несмотря на свою порывистость в жизни за пределами дома, Роланд внутри очага был консерватором. Можно сказать, классиком. Если что-то появлялось в этой комнате нужное, то оно здесь оставалось нетронутым. Потому что это его жизнь, и порой, она заключена именно среди этих стен.

— Это ты так говоришь, потому что еще не встретил человека, за которого ты готов жизнь отдать, — пытался Некромантус надоумить друга, говоря о высоких речах. Правда, для Роланда, они звучали не так убедительно.

— Жизнь!?!? — С восклицанием прокричал тот и немного приподнялся. Он положил трубку на стол, табак в ней уже выгорел полностью. — Я не собираюсь отдавать свою жизнь за кого-то, кроме

тебя.

— А это напрасно, мы ведь друзья, а не семейная пара, — с легкой ноткой сарказма проговорил Некромантус и посмотрел на друга.

— Эх, Некромантус. Ты взрослый человек, а все так же глуп, — глубоко вздохнул Роланд, убрал конечности со стола, а после перекинул ногу на ногу.

— Почему это я глуп? — Возразил алхимик, продолжая мешать жижу внутри котла, а она постоянно норовила выйти за пределы чугунной посудыны.

— Потому что ты единственный человек в этой жизни, ради которого я готов умереть. Но за каких-то женщин... — Роланд не стал заканчивать фразу, а перевел тему. — В общем, не перебивай, я же не до конца рассказал тебе, что было дальше.

И Роланд продолжил рассказывать о происходящем того вечера, как он познакомился с Лирой, а в конце концов вроде бы ее звали Лора. Это не главное, как считал Роланд, так как для него жизнь заключалась не в отношениях, любви и жизни вместе с кем-то, а в авантюрах, интригах, новом и мимолетном.

Некромантус иногда задавал себе вопрос, как они смогли стать друзьями, если они настолько разные во всем. Даже в отношении к жизни или людям. Но потом сам себе отвечал, что они друзья

не из-за разных взглядов и пониманий, а они друзья, потому что верны друг другу. Они никогда не отрекались друг от друга и приходили на помощь, когда нуждались в ней. А это намного важнее, чем разность понимания жизни и отношение к ней. Их дружба существовала еще с самого детства, задолго до встречи с Элизабет. Пусть Эли и стала для алхимика всем в жизни, чего у него не было никогда. И насколько дружба Роланда и Некромантуса не была бы крепка, отношения с Элизабет — это то, что дополняет общую чашу счастья. И делая из всего этого вывод, алхимик понимал, дружба с Роландом, которая произошла еще в школе, привела к тому, что ум Некромантуса помог ему создавать зелья, а смекалка, разговорчивость и убеждение друга, найти тех, кому это нужно.

Ребята продолжали разговаривать, смеяться и после истории о походе Роланда перешли к воспоминаниям о прошлом. Они часто вспоминали вдвоем былые времена, о тех золотых моментах, когда они были детьми. Нельзя сказать, что сейчас все плохо или жизнь для них стала угнетением. Нет, это не так. Это другой этап, другое восприятие жизни, это гонка за своим местом под солнцем. И это хорошо, но детство есть детство. И та наивность, относительная беззаботность и вера в чудеса была настолько прекрасна. А тот путь,

который они прошли вместе, их обоих сделал пусть не кровными, но сводными братьями точно.

— А помнишь, Некромантус, еще в школе, ты влюбился в ту болтливую девчонку. Как ее звали? — Спрашивал Роланд, а в его глазах горела искра приятных воспоминаний.

— Рема, — немного задумавшись, ответил Некромантус. А сам продолжал стоять над чугунным котелком, но сейчас ничего не делал, а просто ожидал, когда жидкость примет другой цвет. Это будет знак о том, что зелье готовое.

— Да, точно, Рема, — засмеялся Роланд, — как ты по ней сох. Это было нечто.

— Было время, — с тяжестью, но приятным воспоминанием, вздохнул Некромантус, посмотрев куда-то вверх.

— И ты все пытался ей понравиться, но она так на тебя и не обращала внимания, — продолжал Роланд копаться в воспоминаниях, а его глаза излучали искры.

— А ты в отместку за друга, не мог придумать ничего лучше, как снять с нее юбку при всем классе, — с улыбкой на лице, говорил Некромантус, указывая пальцем правой руки на друга.

— Да, — Роланд начал громко смеяться, что по стенам пошел глухой гул. Он словно вернулся в то время. — Вот тогда смеха было!

— Особенно Реме, которая потом возненавидела и тебя, и меня.

— А что она такая деловая, прям цаца. Не обратила внимания на моего лучшего друга, который лучший из всех. Я не мог это так оставить!

— И поэтому решил оставить ее с обнаженным задом.

— Ха-ха, — еще пуще прежнего, начал смеяться Роланд.

— Золотое время было, — заканчивал приготовление зелья Некромантус, а после накрыл крышкой котелок.

— Жаль, что оно прошло. Я бы не против прожить эти дни еще раз, — глаза Роланда продолжали гореть, а мысли летать в прошлом.

— Ты знаешь Роланд, я тоже, — отошел от стола Некромантус и сел в кресло, которое стояло слева от дивана.

Роланд в это время взял со стола трубку из красного дерева (подарок его друга) и поднес ко рту. Потом полез в карман брюк, откуда достал мешочек с табаком. Набил им трубку, взял горящую свечу и аккуратно зажег табак. Пошли большие клубы дыма по комнате, а Роланд одну за другой делал затяжки и быстро выпускал кольца так, что его лицо было скрыто в сером тумане. Роланд насладился приятным вкусом хорошего табака, передал трубку другу и откинулся в диване,

чувствуя себя расслабленным. Так они молча сидели, уставившись в потолок. По очереди курили трубку и пускали кольца дыма. Они медленно плыли по воздуху и растворялись у потолка.

Вечер быстро пронесся, и было уже около полуночи. Время позднее, и чтобы не переживала жена Некромантус решил идти домой.

— Ладно, Некромантус, топай, — Роланд нехотя отпускал друга домой, и все же встал вслед за ним. Они подошли к входным дверям. — Передавай Элизабет привет.

— Хорошо, передам, — пожали друг другу руки, а потом крепко обнялись.

— Может, тебя провести? — С насмешкой сказал Роланд.

— Пошутил...

Некромантус открыл двери и вышел в темноту. Роланд помахал напоследок рукой, закрыл за ним дверь. Алхимик спустился по ступеням вниз, и по тропинке, ведущей за пределы забора друга, захлопнул за собой калитку. Он оказался на основной улице, по ней и побрел домой. Путь был не особо длинным. Сам поселок Измаин не был большим. Но из-за непроглядной тьмы ориентир местности ухудшался. Небо было занавешено тяжелыми тучами. Собой они закрыли звезды и луну, этим самым поглотив все во тьме.

«Неужели наконец-то пойдет дождь?» —

Задавался вопросом Некромантус, смотря в небо. Он знал насколько это важно для земли и каждого человека. В последнее время Измаин, итак, похож на гневное поселение, пора бы природе услышать желания селян.

В некоторых домах горели свечи, и алхимик был особо благодарен обитателям этих очагов. Благодаря им хоть как-то освещался путь Некромантусу. Он шел не спеша. Его мысли продолжали блуждать в его прошлом. Столько навеянного воспоминаниями заставило его окунуться в прошлое. Алхимик даже не заметил, как повернул совершенно не на ту улицу. Этим путем также можно было добраться домой, но Некромантус избегал этой дороги по возможности. Особенно среди ночи. Но он был поглощен в себе настолько, что не заметил, когда свернул не в ту сторону. Хотя ему было сейчас все равно. Мысли увели его от реальности.

Дорога, по которой шел парень, вела напрямиком к старому кладбищу. Оно было немного восточнее его родного дома. Когда дома по улице закончились, а дорога шла только через кладбище, Некромантус очнулся от воспоминаний и понял, что он пошел не по той улице.

Алхимик остановился и подумал, идти ли ему дальше или возвращаться. Как не стыдно признаться, но Некромантус боялся этого кладбища

еще с самого детства. Об этом он никому и никогда не говорил, кроме Роланда, чтобы не показаться смешным. Но этот детский страх жил все эти годы с ним. На то было несколько причин. И он не знал до сих пор, какая причина заставила его больше испугаться.

«Хотя нет. Страшнее, однозначно то, что ждало вечером?» — Подумал про себя алхимик, и тут же поймал себя на мысли.

«Почему в первую очередь он вспомнил не про вечер? Вечер вспомнился в его голове попутно»

Хотя какая разница, ведь в тот день он познакомился с самой настоящей жестокостью жизни. Его детские чувства не пожалел никто, и кто в этом виноват, Некромантус даже не представлял.

А все началось именно с этого кладбища. Это был обычный, можно сказать, стандартный маршрут маленького школьника от здания знаний домой. Когда Некромантус шел среди тишины старого кладбища, он напоролся на старшеклассников, которые сыграли с ним в жестокую игру. Причины для этого были не понятны, и лишь с годами Некромантус осознал, почему это произошло. Вот только легче от этого не стало. Жизнь такому не должна учить детей, когда их восприятие мира настолько хрупкое.

Алхимик просто шел этой дорогой, так как она была короче всех. Это происходило пять дней в

неделю, пока однажды все это не случилось. Некромантус тогда учился во втором классе. Он был еще настолько мал, но как оказалось, в жизни это слово не имеет значения. Пройдя почти половину пути, он увидел пятерых старших парней, которые что-то делали на одной из могил в стороне. Когда они заметили мальчика, судорожно начали прятать какой-то кулек в карман, а после, обозлившись, без видимой на то причины, напали на Некромантуса и начали издеваться. Правда подробностей алхимик не вспоминал и пытался их выкинуть из головы.

Единственное, что все же не мог он выбросить из памяти, какую он тогда получил серьезную взбучку, ни за что. И если бы не его друг Роланд, который по случайности решил догнать алхимика, чтобы передать ему учебник, увидел, как пятеро, повалили мальчика на землю и хотели топтаться по нему ногами. Роланд их спугнул громким криком, и они резко разбежались по сторонам, так и не узнали, что их спугнул такой же малец, как и тот, которого они оставили на земле лежать.

Некромантус остановил негатив в своей голове и подумал, что он будет делать дальше.

«Идти кладбищем или возвращаться?» — Все, что сейчас интересовало парня.

Дома остались позади. Дорожка вперед вела через кладбище напрямиком на ту сторону поселка,

где и жил Некромантус, в десяти минутах от этого места. В то время, если возвращаться, алхимику придется делать круг, который по времени затянет минут двадцать. Поэтому идти в обход ему не хотелось, да и время было позднее. Элизабет могла волноваться, почему он еще не пришел домой.

Некромантус собрал себя в кулак и решил пойти через эту территорию, где не появлялся очень давно, а если быть точным с самого детства. Когда алхимик прошел через железные распахнутые в стороны ворота, он словно очутился в другом мире. Мало того, что кладбище уже практически не использовалось для захоронения людей, так как оно было полностью заполнено, так еще, и никто за ним не следил. В поселке было еще одно место, отведенное для могил, оно было более новое и современное. На старом кладбище только хоронили тех, кто хотел лежать рядом с семьей, не желая находится в другом месте.

Алхимик смотрел по сторонам и видел, что многие из могил были разрушены и заросшие травой. Смотря на это среди ночи, парень поглощался в еще большую мертвую атмосферу. Тишина была в этом случае не приятной, а более устрашающей, зловещей. Некромантус тяжело сглотнул слюну и ускорил шаг по главной тропинке.

«Как же здесь ужасно!!!» — Подумал про себя

алхимик и пытался не смотреть по сторонам, а просто шел дальше. Деревья своими огромными ветвями рисовали ужастики в воображении парня. Их клонило к земле, и создавалось такое впечатление, будто эта мертвая аура пытается поглотить в себя вместе с лиственными ветвями и сами деревья с корнями.

Вдруг перед ним резко, словно из неоткуда появилась летучая мышь. Она взмыла вверх к деревьям. Некромантус так передернулся, что чуть было, не упал. Его сердце колотилось с такой силой, еще чуть-чуть и вовсе выпрыгнет из груди. Страх сковал его тело, а в глазах начали появляться надуманные образы. Реальность потихоньку начала уходить от него, а ужас ночи склонился над парнем. Мысли еще больше нагнетали внутреннее состояние. Вместо того чтобы успокоить себя, Некромантус наоборот, разжигал страх и не мог этого остановить. Его мозг не мог принять тот факт, что взлетела всего лишь летучая мышь, и больше ничего ужасного не произошло. Но здесь и была странность, которую он пока не мог логически обдумать.

Страх продолжал навязывать другие мысли, а воображение раскручивало их с такой силой, что еще немного, и окажется перед ним выпорхнула не летучая мышь, а нечто мистическое и невероятное. Так он давно себя не пугал.

«Зачем он сюда пошел?» — Даже разозлился сам на себя алхимик.

Что ему стоило обойти это место? Всего лишь лишних десять минут.

Некромантус не мог понять, откуда могла появиться эта летучая мышь здесь, так как они в этих краях вообще никогда не обитали. Появления этого ночного крылатого хищника сильно напугало алхимика, и ему начало казаться, что здесь есть кто-то еще, и он наблюдает за парнем из-за веток деревьев. Страх оковал Некромантуса полностью, и казалось, больше никогда не отпустит. Его сердце никак не могло успокоиться и било настолько сильно, что удары разносились по всему телу. Ноги начали подкашиваться, и ему приходилось делать усилия, чтобы остаться на них. Прилив крови к мозгу сделал его лицо горящим.

Алхимик пытался взять верх над страхом. Он должен успокоиться и идти дальше. В любом случае стоять здесь нет смысла. Делая глубокий вдох и выдох, Некромантус осторожно делал шаг за шагом, отбрасывая все, что приходило в голову. Он смотрел только перед собой, боясь уводить глаза в сторону.

На первом перекрестке двух троп парень повернул налево.

«Еще осталось чуть-чуть. Держись!» — Про себя думал алхимик, и шел, чувствуя, как его ноги

дрожат.

Некромантус резко обернулся назад, опасаясь, что за ним кто-то следит и стоит сейчас позади. Но там никого не было. Только легкий ветерок колыхал ветки деревьев, клонящиеся к земле. Впрочем, в такой темноте рассмотреть что-либо было тяжело.

«А вдруг кто-то прячется за могилой?» — опять Некромантус себя пугал, навязывая то, в чем сам не уверен. И все же страх работал. Алхимик ускорял темп и во второй раз решил не оборачиваться. Он считал свои шаги, пытаясь хоть чем-то себя отвлечь, но это ему не помогало. Некромантус старался вспомнить, о чем они говорили с Роландом, в надежде, может это сможет его увести от плохих мыслей. И снова у него ничего не получалось.

Сердце Некромантуса ушло в пятки. Как бы он сам себя не накручивал, в глубине души он знал, что-то не так. Предчувствие алхимика не обманывало.

Ночной мрак нарушил еле слышный шелест. Некромантус изначально подумал, это ветер, и не предал этому значения. Вот только, когда этот шелест начал усиливаться, и более того приближался к алхимику из-за спины справа, он понял, его страх все это время, пока он шел по кладбищу, был не без оснований. Действительно, в

этом мраке ночи кто-то или что-то присутствовало, и оно следило за парнем среди ветвей деревьев.

Некромантус мог бежать, но почему-то этого не сделал. Что происходило сейчас в его голове, и какими мыслями он руководствовался, сам не мог понять.

«Любопытство? Безднадежность?
Парализованность?»

Он просто остановился и смотрел перед собой. Некромантус видел впереди конец кладбища, и при желании до него не так далеко бежать, вот только он не был уверен, что его оставят в покое за пределами этого ужасного места.

Все что сейчас произошло, было настолько быстро, и Некромантус смог понять только в самом конце за несколько секунд. Не было никакого шелеста. Это был взмах огромных крыльев, и он приближался к нему. Алхимик не видел, что или кто это был, но судя по шуму взмахов крыльев, и сильному ветру, это было огромное существо. Мысль о летучей мыши сразу же развеялась.

Перед глазами алхимика все будто замедлилось, а взмахи крыльев позади, четко различимы в ночной тишине, делали медленно движение за движением, и каждый новый взмах становился все громче и громче. Парень хотел было

повернуть голову, чтобы увидеть, кто на него напал, когда, неожиданно, произошел удар.

Некромантус почувствовал всю мощь этого существа, и после удара, нанесенного в спину, не смог удержаться на ногах, рухнул на землю. Алхимик понимал, теперь он полностью во власти этого крылатого существа, и ему не удастся ничего сделать. Сердце забилося очень сильно, а паника внутри разрывала парня. Выдержит ли его сердце все это, или сдастся быстрее, пока его захотят съесть, парень не знал. Он также не знал, какую цель преследует это крылатое существо, просто убить или перекусить его плотью?

«Лишь бы быстрее!» — Алхимик не хотел долго мучиться.

Некромантус понимал, смерти ему не избежать, но как правильно себя вести в такой момент, он не знал. Сдаться и ничего не предпринимать, значит поступить как в детстве. Вот только тогда лучший друг пришел на помощь, а сейчас это вряд ли произойдет. Или может нужно бороться! В конце концов, на кону собственная жизнь, разве она не стоит, чтобы ее спасти?

Алхимик пытался себя разозлить, поднять, что-то сделать, а вместо этого начал задыхаться. При падении он сильно надавил на грудную клетку, ко всему прочему, еще и страх сковал его дыхательные пути, и он потерял контроль над

собой. Парень не мог понять, дышит ли он вообще. Ему не хватало воздуха, и с хрипом в голосе он пытался хватать воздух, словно рыба без воды.

Прошло несколько минут, а Некромантус продолжал обездвижено лежать на земле, не зная, что делать. Это время позволило ему успокоить себя. Пусть не полностью, но хотя бы начал нормально дышать. И в то же время алхимик не понимал, почему существо оставило его и больше не атакует?

«Где оно?» — Думал про себя
Некромантус и тут же ловил себя на
мысли, — «Какая разница!»

«Что делать?»

«Пытаться встать и бежать? Или
смириться со своей кончиной?»

Выбор был невелик, но он не прекращал думать, как поступить. Его также волновало, кто мог его атаковать. Вряд ли крылатое существо живет в этих краях, иначе о нем знали бы в Фоготе. Но тогда сразу же назревает следующий вопрос: «Что оно здесь делает?»

Некромантус продолжал находиться в паническом состоянии и при этом не мог решиться, спасаться ему или просто лежать на месте. Он настолько глубоко ушел в себя, что не заметил, как

тишина вновь окутала кладбище. Кроме молодого алхимика здесь больше никого не было.

Некромантус попытался преодолеть страх и встать с прохладной ночной тропы. Сделал несколько глубоких вдохов, приготовился к быстрым движениям. Толком, не смотря по сторонам, он начал бежать изо всех сил. Ему казалось, что он летел словно ветер. Могилы, раскинутые по обе стороны тропы, начали быстро мельтешить перед глазами алхимика.

— Осталось чуть-чуть! — Пытался успокоить себя Некромантус и уже был готов поверить, будто он и есть ветер. Его никто не сможет теперь догнать. Он ошибался. Снова за спиной появился все тот же звук размаха крыльев.

Этот звук в очередной раз приближался, какой бы темп Некромантус не выбрал. Парень от страха попытался ускориться еще быстрее, но звук крыльев все равно настигал его. И вновь удар, и снова в спину. Он снес его с ног. Только в этот раз Некромантуса от сильного толчка отбросило прочь с тропы, в сторону. Сколько длился его полет, алхимик не помнит. Все так внезапно произошло. Лишь когда он приземлился возле могилы, в траве, слева от дороги, он смог оценить дальность такого полета. Он пробыл в воздухе около пяти метров, прежде чем оказаться здесь. Глаза алхимика слегка расширились от удивления, но боль в левом колене,

на которое он неудачно приземлился, заставила его забыть об этом. Некромантус попытался приподнять голову выше и сквозь заросли увидел перед собой надгробье.

Алхимик, продолжая испытывать страх, в какой-то момент застыл взглядом на надгробье. Он пытался рассмотреть, кому эта могила принадлежит. Возможно этим, Некромантус хотел отвлечь себя от неизбежного конца. Вот только, что это изменит.

Алхимик всмотрелся в надгробье и увидел на нем надпись, правда, не полностью, так как ветви свисавшего над могилой дерева, закрыли некоторые слова. Некромантус смог рассмотреть только часть надписи:

***«...ирикс из Пеленя,
...муж, и хороший человек»***

Надгробье было таким старым, что камень, из которого оно было сделано, раскалывался на несколько частей и покрылся весь трещинами. Но Некромантус не стал долго изучать надгробье, страх продолжал находиться внутри него, и непонимание происходящего продолжало пугать. Он не должен терять себя, даже в такой момент, пусть он и будет последним.

В очередной раз алхимик попытался подняться и посмотреть, кто напал на него. Но вновь никого не было видно. Все та же тишина и спокойствие старого кладбища. Парень начал задумываться, что на него напал какой-то огромный летучий хищник, который играет со своей жертвой. Вот только эта игра уже наскучила парню.

Некромантус приподнялся и почувствовал, как его колено сильно болело. Он еле сдержался, чтобы не завопить от боли. Парень слегка, прихрамывая, вышел по траве на тропу, и его взгляд привлекла другая сторона кладбища. Там никого не было кроме могил. Алхимик будто искал на той стороне что-то или кого-то, но это не было связано с крылатым существом и этим ужасом ночи. Это было что-то другое, и оно таится в его собственном прошлом.

Алхимик уделил этому моменту несколько секунд, причем на его лице появилась еле заметная улыбка, а после, спокойным шагом он пошел по тропе к выходу из старого кладбища. Теперь он не бежал. Пусть страх его не покинул, и желание жить не оставило его, он все равно не стал бежать. Было очень сложно передвигаться. Колено, словно укрытое иголками, при каждом сгибании, кололо с такой силой, ему буквально приходилось стискивать зубы, чтобы не закричать. Перекошенный вид лица отражал истину, настолько

больно ему приходилось делать каждый новый шаг.

Вдруг, перед Некромантусом, сверху, где-то из-за деревьев, появилось огромное существо, с огромными крыльями, распахнутыми в стороны. Оно медленно спускалось, а алхимик в это время остановился и замер. Ему оставалось только наблюдать за существом. Первое, что бросилось в глаза, это длинные когти на изуродованных лапах. Черное туловище все было покрыто какими-то глубокими ранами, которые зарубцевались и остались в виде шрамов. Но самое страшное, что увидел алхимик, это было лицо этого существа. Хотя так назвать эту часть тела нельзя. Оно было точной копией летучей мыши, только больших размеров, и это действительно было не самое приятное зрелище. Черный цвет обличья, как и всего тела; острые уши, торчащие вверх; не было волос на голове; красные зрачки; приплюснутая морда; вместо носа, только две прорези разных размеров. Смотря на все это среди ночи можно было представить свой худший кошмар, только это было все наяву.

Наконец, до алхимика дошло. Это и есть огромная летучая мышь, лишь с малым отличием. У нее было две руки, как и у простого человека. Алхимик не сразу заметил, так как они сливались на фоне с взмахами черных крыльев. Некромантус не представлял, что существуют такие летучие

мышь. Она была размером с двухметрового человека. Своим рубиновым взором следила за парнем сверху вниз. Открытый рот хранил в себе длинные острые клыки. Они еще больше внушали ужас алхимику, от чего он с огромной сложностью проглотил ком, который застрял в его горле. Парень застыл взглядом на этих белых огромных четырех клыках и даже не обратил внимания, что все остальные маленькие зубы не менее опасны. У Некромантуса было чувство, что летучая мышь сейчас бросится на него и разорвет на части острыми, как бритва зубами. Но почему-то это не происходило.

Летучая мышь продолжала зависать в воздухе и махать крыльями для поддержания координации. Некромантус чувствовал, как ветер от крыльев устремился в него. Причем он был настолько холодный, что парень покрылся весь гусиной кожей, а его кинуло в озноб. Так несколько минут они смотрели друг на друга.

Долгое остолбенение закончилось тем, что летучая мышь опустилась полностью на землю, и ее крылья, наконец, сложились. Холодный воздух рассеялся. Теперь руки существа были видны лучше. Огромная летучая мышь начала ими жестикулировать. И кроме этого, из ее рта появились какие-то шипящие звуки, не понятные для Некромантуса. Алхимик попытался

прислушаться, но это ему не помогло. Он все равно не понимал, что она ему пыталась объяснить. А летучая мышь усердно продолжала создавать все тот же звук, и было видно, как ее рот двигался вместе с большими клыками. Ноздри при этом слегка увеличивались, на доли секунды, а после снова уменьшались.

Некромантус начал успокаиваться, и его сердцебиение плавно возвращалось к нормальному ритму. Возможно, это существо пришло не с той целью, о которой он изначально подумал, и теперь ему было проще уловить все, что ему шипела огромная летучая мышь. Но все равно не понимал, что она пыталась ему говорить.

А может, это вовсе и не разговор. Может, она так готовится к употреблению своей жертвы. Такая мысль снова заставила нервничать алхимика. Он просто продолжал наблюдать за существом, в надежде на то, что скоро все решиться. Столько ждать своей смерти было невыносимо. Но на удивление алхимика, ничего не происходило дальше. Огромная летучая мышь продолжала что-то шипеть, а Некромантус, наконец, начал немного понимать, что крылатое существо ему повторяло одну и ту же фразу. Единственная проблема, этого языка парень не понимал.

«Шиманси сат та амэ, намо

астинте, намо хенно ване».

Что это могло значить, и правильно ли понял алхимик слова, оставалось непонятным.

«И все же, что хочет сказать огромная летучая мышь, ему этим?»

Может, она остерегает его от чего-то, а может, предупреждает о чем-то. Информации было недостаточно, и парень решил на серьезный шаг. С ней поговорить. Ему было страшно сделать это, и в его голосе звучала дрожь.

— Простите. Что вы говорите? Я не понимаю, — с осторожностью, в пол тона, спросил Некромантус. При этом начал неспешно махать головой из стороны в сторону и разводить руками. Может жестикуляция поможет лучше.

— *Асанта мино амэ,* — все таким же шипящим грубым голосом говорила летучая мышь на каком-то своем языке, и все тем же страшным взглядом сквозь красные глаза смотрела на человека.

— Я не понимаю, — продолжал качать головой, слева направо, Некромантус, пытаюсь снова объяснить ей жестом вместе со словами.

При этом алхимик немного успокоился. Все-таки комфортнее он себя чувствовал, когда на него не нападают. Да и чувствовать себя постоянно добычей спокойствия не добавляет.

Теперь Некромантус мог сконцентрироваться на общении.

— *Шилинго*, — чуть громче обычного послышался все тот же шипящий голос летучей мыши. — Ти польно, ти ошен польно. Смертельна польно.

И вот только сейчас он понял слова летучей мыши. Парень понял, что она пыталась говорить на его языке, и это его удивило.

«Неужели это существо знает людской язык?» — Думал про себя алхимик.

Вот только когда смысл слов дошел до его мозга, страх снова окутал его.

— Я смертельно болен. Откуда вы знаете? — Спросил Некромантус, чтобы уточнить, правильно ли ему послышалось.

— Я снать што ти польно, и нет типе спасении. Ти толшен наитии свои путь, он смошет типе помощь, — пристально наблюдала за алхимиком летучая мышь.

— Какой путь? О чем вы? Я не понимаю. Как мне помочь? Кто сможет?

Некромантус чувствовал хаос внутри себя, и ему хотелось знать все и сразу.

— Ти толшен сам поняти. Вот типе патскаска, — проговорило крылатое существо и выплюнуло изо рта кусочек какой-то тряпки на дорогу. — Ти нушен своим силам, снать правтию

тепе нушно.

Некромантус был шокирован сказанному и даже не успел все обдумать, и спросить что-либо еще. Большая летучая мышь резко распахнула крылья и взмыла вверх, исчезнув где-то среди деревьев.

И снова наступила тишина. Некромантус стоял один на тропе, в полумраке, понимая, что уже далеко за полночь, и его жена, наверное, места себе не находит, не зная, где делся ее муж. Поэтому, долго не обдумывая всего происходящего, он поднял кусок тряпки, который слегка был мокрым от слюны летучей мыши, и зашагал вместе с ним вперед. Парню было не особо приятно, касаться чьих-то ротовых выделений, но выбора не было. Пришлось взять то, что адресовано ему. Но когда алхимик присмотрелся поближе, понял, что это не просто тряпка — это был клочок из вырванного пергамента с какими-то элементами. Некромантус не стал рассматривать его, а положил в карман брюк и быстрым темпом принялся идти домой.

Парень чувствовал боль в колене, но старался игнорировать это и шел дальше. Уже было все равно на кладбище он или нет. Его мысли застыли только на одних словах, которые в конце проговорила летучая мышь.

Алхимик не помнил, как добрался домой. Он был словно в трансе, а опомнился лишь тогда, когда

на крыльце своего дома увидел любимую жену. На ее лице была тревога. Она не знала, где ее муж так долго ходил, поэтому не могла найти себе места в доме. Когда Эли увидела его возле забора, быстро встала со ступенек и подбежала к калитке, которую в этот момент, отворил Некромантус. Их взгляды встретились.

— Дорогой, что случилось? Где ты так долго был? Почему ты хромаешь?

Столько вопросов, а на который отвечать, парень не знал. И вообще он себя чувствовал так плохо, что ему и говорить не хотелось. Но зная собственную жену, понимал, лучше что-то сказать, иначе, она не успокоится.

— Ничего. Как обычно, засиделись с Роландом. Зелье не сразу получилось, а завтра его нужно уже передать. Так что пришлось переделывать, иначе сама понимаешь, — Некромантус без остановки постоянно говорил, пытаясь заболтать жену.

В конце фразы алхимик улыбнулся, но было видно, что это неестественная улыбка. Но так как Элизабет была озадачена столь поздним появлением мужа, что и вовсе не заметила неискренность в мимике лица Некромантуса.

— Я так и думала. Но что у тебя с ногой? Ты хромаешь, — девушка окинула взглядом парня, и остановилась на его левой полусогнутой ноге.

— Дорогая, а то ты не знаешь меня неуклюжего. Такая темнота, что ничего не видно. Шел, случайно зацепился за корягу, и как грохнулся на левое колено, и вот тебе результат, — а сам в голове прокручивал тот ужас, который происходил с ним пятнадцать минут назад. Некромантус никогда так серьезно не задумывался о смерти, причем с разных сторон.

— Как ты так умудрился? — Опасаясь за мужа, проговорила Элизабет, и повела его в дом.

Алхимик закрыл калитку во двор и вдвоем с любимой пошел вперед. Когда они оказались внутри здания, Элизабет помогла Некромантусу пройти в зал и усадила его на мягкий диван. В этот момент алхимик почувствовал легкость внутри себя. Ему было хорошо и приятно находиться в безопасности в родном доме.

— Давай посмотрю колено, — обратилась жена и села на корточки возле мужа.

— Ничего там страшного. Просто ушиб. Элизабет успокойся, — махнул рукой Некромантус и раскинулся на диване, закинув руки на спинку.

— Конечно, ничего страшного. А вдруг у тебя там заражение пойдет, что тогда? — Заботливо говорила Элизабет и смотрела на мужа. Тот этим временем уставил свой взор в потолок, и застыл в одной точке.

Девушка попросила мужа закатить штанину,

чтобы осмотреть, что у него с коленом. Алхимик это сделал неохотно, но послушно. Когда нога была обнаженной, Некромантус даже не стал смотреть на нее, а снова вернул свой взгляд в ту точку, в которой был ранее, продолжая думать о встрече с тем существом.

Элизабет осмотрела рану, где было несколько небольших ссадин и кровоподтеков. Девушка решила пойти на кухню за лекарствами, чтобы промыть и перевязать рану. После того, как вернулась в зал, она достала какую-то жидкость, налила ее на рану. Некромантус при этом никак не отреагировал, хотя чувствовал легкое щипание в колене. Потом Эли наложила мазь, хорошо ее, втирая в кожу, и в конце перевязала колено. Алхимик так и продолжал сидеть в одном и том же положении, даже не захотел обратно опустить штанину, что сделала Элизабет за него.

— Вот и все. Готово, — немного с облегчением сказала Элизабет, поднялась с корточек вместе с сумочкой, где хранились все лекарства. — Теперь я спокойна за твою ногу!

— Спасибо дорогая, — Некромантус встал с дивана и поцеловал жену. — Пойдем лучше спать. Я так устал. День оказался не из легких.

— Сейчас пойдем, подожди минутку, — сказала Элизабет и вышла из комнаты.

Некромантус послушно ждал, пока жена

отнесет сумочку обратно на кухню и вернется за ним.

— Пойдем, — протянула руку Элизабет мужу, когда оказалась возле него.

Некромантус ответил на этот жест согласием и поднялся с дивана. Девушка посмотрела на то место, где сидел только что алхимик, и увидела там какую-то бумажку. Она слишком бросалась в глаза на фоне темного дивана.

— Что это? — Спросила Элизабет.

Алхимик не сразу понял, о чем говорила жена. Только когда увидел лежащий на диване тот самый клочок пергамента, который ему передала огромная летучая мышь, сообразил, о чем идет речь.

— Это я нашел, когда упал, — он ответил.

Элизабет подняла бумажку и начала разглядывать, что на ней изображено. Естественно, она ничего не поняла и просто передала кусок пергамента мужу.

— Что здесь нарисовано?

— Я не знаю, — честно ответил Некромантус, и положил бумажку обратно в карман. Он толком и не рассмотрел, что изображено на пергаменте ни тогда, при встрече на кладбище, ни сейчас. Решил, что этим он займется позже. — Завтра буду разбираться. Может, все станет ясно.

— Хорошо дорогой. Тогда пойдем спать.

— Пошли, — улыбнулся устало алхимик, и

обнял жену.

Потушив свечи в зале, они вышли из него. Эли несла перед собой один подсвечник в руках, чтобы пробраться по темному коридору в спальню. Пока Некромантус раздевался возле окна, жена успела постелить, и тот долго не расхаживая по спальне, быстро улегся, спрятавшись под одеялом. Он действительно очень устал, и ему хотелось, чтобы сегодняшняя ночь закончилась, и наступил следующий день.

Элизабет немного задержалась. Она сразу приготовила одежду на утро, в которой собиралась идти на работу. А после скинула с себя нежно-розового цвета платье, надела белую ночную рубашку, потушила свечу и легла в постель к мужу. Она хотела поговорить с Некромантусом еще немного, но увидев, что тот уже спал, повернулась на бок и закрыла глаза. Она не заметила, алхимик притворялся.

Некромантус сделал вид, будто он спит, а на самом деле, ему просто не хотелось говорить. Он открыл глаза спустя какое-то время и смотрел в потолок. Несмотря на усталость, алхимик все равно не мог заснуть, и вряд ли это произойдет в ближайшие несколько часов. Слишком много всего для такого вечера. Некромантус не мог усмирить свои мысли, а они в свою очередь не давали ему шанс на сон.

ГЛАВА 3 «АМАТМЕЯ»

Эта история началась именно с этого момента. Нельзя сказать, что до этих пор здесь ничего не было интересного. Нет, как раз-таки все было наоборот. До этих пор было все иначе. Хотелось бы даже добавить, было все прекрасно. Эта земля, на которую долгое время ни ступала ничья нога, была скрыта от глаз. Казалось, это был другой мир, мир, существующий по своим законам и правилам, мир, который не хотел, чтобы его обнаружили. И в действительности, земля была скрыта долгое время от всех благодаря уникальному расположению.

Северная сторона была полностью укрыта неприступными горами. Огромные, могущественные скалистые горы были настолько высоки, что даже птицы на такую высоту не забирались. У подножия гор были лесные массивы, растущие до трети гор с различными видами деревьев, кустарников и трав. Пиковые точки гор были усыпаны снежным полотном, создавая красивую картинку перехода от зеленых красок растений в белое полотно. Оно укутывало вершины гор, словно огромным шарфом, лишь изредка открывая истинный их цвет. Эти же вершины переливались на солнце и отражали солнечные лучи

в разные стороны.

Горный массив имел три самые высокие точки, устремившиеся к небу. Когда облака опускались ниже, эти три пиковые вершины прятались под облачной пеленою. Этот горный массив был не просто разделительной непроходимой полосой между одной землей и другой, но при этом казался огромным древним стражем, охраняющим эту территорию от чужестранцев.

Юг был не менее чудесным, так как эту часть омывали морские воды. Волны с огромной скоростью и шумом бились о берег, перемещая мелкие камушки своей могущественной природной силой и раскидывая их по всему берегу. Добраться с этой стороны возможно только на корабле. Вот только никто так и не смог приплыть сюда на протяжении многих веков. Возможно, расстояние по морю от ближайшего берега слишком далеко, а может, неизвестность, таящаяся впереди, заставляет капитана развернуться и не искать неприятностей впереди.

Запад был окутан таинственным лесом. Он был настолько густым, что солнце на западе было скрыто и пробивались сквозь верхушки деревьев тонкими прерывистыми лучами. Этот лес тянулся от северных гор, примыкая к ним вплотную, и до самого южного берега. Причем в южной части леса

земля была в виде скалистой местности, плавно поднимающейся от равнины в сторону моря. Скалистая часть резко прерывалась и становилась высоким обрывом в беспокойную бушующую воду. Точно также и лес быстро заканчивался на обрыве.

В лесу на западе было много живности. Она иногда выбиралась из леса для осмотра территории за пределами своего мира, а после исчезала в густоте неизвестности, так и не решаясь пойти по открытой равнине. Самое интересное в этой части земли, было то, что лес не просто хаотично рос, а словно был четко посажен под одну линию, именно вдоль, от севера к югу. Высота деревьев достигала невероятных размеров. Здесь было много редких видов, как животных, так и растений, которые можно было найти лишь в отдельных уголках всего мира.

Была еще одна сторона этой земли, и она была четвертым кусочком, который скрывал и не давал подступиться к центру.

На востоке находилась так называемая темная территория. Когда-то давно здесь был чудесный лес, не хуже, чем на западе, но по одной из легенд на эту часть территории упал метеорит, и он раскинулся на много километров, под собой уничтожив лес и его обитателей. Теперь вместо деревьев стояли обожженные без веток и листьев стволы. Черные скалы, отдельно стоявшие друг от

друга по всей территории, скорее всего, являлись кусочками упавшего метеорита. Во всяком случае, так предполагалось, ведь никто не знал на самом деле, были эти скалы до падения метеорита или стали результатом осколков огромного ярко огненного шара, несущегося с неба. Почва была усыпана пеплом. Он давно уже сросся с землей, и больше не удастся рассмотреть, какое здесь полотно древности.

Ничего не было известно также о живности, о расах, которые могли населять темную территорию. Выжил кто-то среди них или все ушли вместе с огнем. Что происходило вообще в этом красочном лесу, в прошлом, интересовало каждого, вот только ответов никто не мог дать, и на то были причины.

Как оказалось, одним из самых прекрасных мест на этой земле, была равнина. Она находилась между всеми четырьмя полюсами. Нельзя передать насколько это была огромная территория. Чтобы пройти с севера на юг пешком, требовалось около десяти суток, а с запада на восток и все двенадцать суток. Для любого существа это были огромные расстояния, чтобы их преодолевать постоянно.

Много рек омывало эту территорию, начиная свой путь от гор, при этом пересекались между собой, создавая на карте самый настоящий лабиринт. В итоге некоторые терялись в лесах запада, а некоторые впадали напрямиком в южное

море. Большое количество рудников, различных видов почвы, всевозможных видов растений, деревьев, в том числе фруктовых, хвойных и так далее. Целые плантации ягод, которые сами себя зародили, и сами себя размножали. А самое, пожалуй, ценное было скрыто под почвой. Неисчислимое количество драгоценных металлов, различные камушки и многое другое. Эти ценности долгое время лежали без надобности, пока не пришел момент, когда все здесь изменилось.

Когда конкретно зародилась эта земля, никто не знает. Может, появление ее было относительно недавно, а может, эта территория была с основания зарождения всего Мира. Вопрос не столь важен, так как больше всех интересовало из ныне живущих на этой земле, кто был первым. Много различных легенд сложенных каждой расой, но истины в этих сказаниях найти тяжело. Потому что каждый пытался быть первым.

По хронологии писания монаха Корнеля, можно предположить, что первыми, кто открыл эту землю, были гномы. На клан Горна, который обитал в древних горах Анкары, что есть северная территория, относительно этой земли, произошло нашествие адских существ. Они искали в этих горах какую-то реликвию. Много гномов тогда пало из-за адских тварей. Демоны уничтожали все на своем пути. Кто смог покинуть горы Анкары, бежали

сломя голову, как можно дальше теряя надежду на то, что они смогут когда-нибудь вернуться. Ведь гномы властители гор и подземелий, которые скрывали их. А жизнь на обычной земле, среди неба и солнца, для них мучительна.

Тогда еще молодой король Горн, сын убитого отца в битве за Анкар, собрал всех, кто выжил, и смог покинуть горы, и избежать смерти от адских существ, отправился на юг. Долгое время они искали пристанище, пока не увидели на горизонте огромный горный массив. Они были по эту сторону могущественной преграды, не представляя, что может быть за ней. Что таили в себе эти три пиковые вершины?

Гномы изначально обрадовались такой находке и при этом сомневались, могут ли быть такие величественные горы — свободными. Правда, выбора для клана гномов больше не оставалось, необходимо было где-то себя остановить. Иначе так продолжать бессмысленно перемещаться, означает уничтожить веру у своего народа, и потерять все, что от него осталось после нападения адских существ.

Когда гномы прорыли вход, при этом тщательно скрыв его от других, карлики зашли в самое удивительное подгорье, которое могли себе представить. Никто не мог из них и подумать, блуждая по земле в поисках пристанища, что они

найдут настолько великолепное место. Но самое важное их ждало впереди, когда они поняли, подгорье оказалось незаселенным.

«Это знак свыше!» — Кричали хриплые, раскатыстые, будто гром, голоса в тоннелях мрака.

«Мы спасены!» — Радовались выжившие карлики, бывшего королевства подгорья Анкар, где они прожили многие годы.

Новое место стало свежим глотком, и надеждой на прекрасное будущее. Возможно, это всего лишь совпадение, но среди гномов уже пошла молва, будто их сюда кто-то привел. Какая-то неведомая сила или еще что-нибудь. Впрочем, это не имело никакого значения, и на этот вопрос гномы не искали ответа. Они приняли этот дар и старались беречь его.

Гномы, устраивая свою жизнь в новом месте, обнаружили очень много различных ресурсов, которые помогли им в этом. Огромное количество редких металлов, в том числе и золото, их сделало самыми богатыми гномами во всей округе. Хотя об этом никто не знал, так как гномы решили скрыть свое существование ото всех. Предыдущая жизнь для них стала уроком, а новая стала вторым шансом на светлое будущее. Эти горы стали для них святым местом, которое спасло их от бегства. Клан, тогда еще молодого Горна, был переименован в клан Энгеззы, что означало «новая жизнь», а горы

назвали Энгеззариум.

Гномы проникли в самые глубины своей новой территории и сделали подземелья по нраву себе. Это стала огромная страна, где проживало десятки тысяч карликов, и гордились своим местом обитания. Для этого потребовалось много сил и времени, и это касалось всего. Во-первых, им потребовалось размножить свою расу, чтобы их количество могло обустроиться, как можно быстрее. Во-вторых, горы были огромны, и их необходимо было как можно быстрее изучить. Поэтому гномы пытались выложиться настолько, насколько могли, понимая, что все делают ради самих себя, ради будущего своего наследия.

Однажды, клан Энгеззов смогли прорыть путь на другую сторону, и увидеть эту землю, о которой никто не знал, и где никто и никогда не бывал. Во всяком случае, так казалось с первого взгляда. Гномы сделали разведку земли и были удивлены пустоте вокруг. Нет и намека на живых существ на этой территории. Всех, кого гномы встречали по пути, это были животные. Возможно, только они и населяют эти равнины.

Появление карликов было неожиданностью для коренных жителей, и это их настораживало. Гномы видели страх в глазах четвероногих. Видели, как животные старались держаться на расстоянии от большого войска. И вообще, убегали прочь, не

желая связываться с неизвестными. Мыслей в голове клана было более чем предостаточно, и сойтись на чем-то конкретном сложно. Понять, наверняка, есть ли здесь существа с высшим разумом или нет, так и не удалось. Возможно, животные боятся чужаков, потому что никогда не встречали здесь двуногих с суровым видом, а может, потому что знают, что двуногие ничего хорошего не принесут, кроме смерти.

Гномы, изучая равнинную часть земли, убеждались еще больше, все вокруг это не просто находка, это явный знак свыше. Спокойствие и тишина касалась не только их собственного подгорья, но и территории, примыкающей к горам. Нападение на Анкар было страшным этапом для всего клана. Точнее говоря для тех, кто из него остался. Остаток клана карликов, боялся своего неизвестного будущего, и что их ждет в этом самом будущем. Как оказалось, весь ужас пройденного пути был всего лишь толчком для поиска нового места обитания.

Жизнь у гномов налаживалась с каждым днем все лучше и лучше. Печальное прошлое пусть и продолжало преследовать их ночными кошмарами, и все же, боль понемногу отпускала. Клан Энгеззов смог перебороть себя, и во имя всех погибших, поклялись возродиться и стать еще сильнее, и еще могущественнее. Свою клятву они и выполняли,

встречая и проживая каждый новый день. Вот только каждый последующий день, так быстро сменялся другим, что гномы не заметили, как проходили года. С одной стороны, в этом ничего плохого не было, они развивались, усовершенствовали свою страну, свою жизнь, и каждый новый год прибавлял им опыта, развитие подгорья и многое другое.

Спустя кое-какое время произошло то, чего и следовало ожидать. Ведь скрытность этой земли была обнаружена гномами, а значит, смогут найти и другие. Корнель писал об этом в своей книге. Вторыми, кто обнаружил эту землю, были люди. Они нашли тот самый вход в горы, который скрыли гномы за собой, и вступили во владения клана Энгеззов. Ступая в темноте по неведомым им тропам, люди, возможно, никогда бы не смогли выйти из запутанного лабиринта, если бы не помощь гномов. Благодаря жителям подгорья люди смогли оказаться на другой стороне.

Это была небольшая армия измученных, уставших людей. Среди них были женщины, мужчины и дети. Не сложно было догадаться, они бежали от кого-то или от чего-то, и по непонятным истечениям обстоятельств смогли обнаружить скрытый вход в царство подгорья.

Гномы не смогли узнать всей правды, впрочем, она им особо и не была нужна. Ясно было

одно, этим людям пришлось покинуть свое королевство, и теперь они не знали, куда им отправиться. Люди почему-то не хотели говорить о пройденном пути, и что их заставило так поступить. Измученные и усталые «первые незваные гости» подгорья решили оставить историю при себе. Единственное их личное утверждение было в том, что их предали. Этого недостаточно, чтобы поверить или же наоборот, опровергнуть слова людей. Возможно, у них были причины недоговаривать, а может, они просто не придумали правдивую псевдо историю, с помощью которой могли дать ответы на все вопросы. Поэтому решили отмолчаться, чтобы не показаться лжецами.

Гномы, узнав о том, что через их лабиринты шли люди, были изначально против этого. Они понимали, люди могут принести беду вместе с собой, а этого допустить нельзя. В памяти клана Энгеззов по сей день всплывал ужас прошлого. Но когда карлики заглянули в глаза гостям, и увидели измученных и убитых горем людей, они не смогли им отказать, ведь сами прекрасно помнили, насколько тяжело остаться без ничего. Когда даже надежда покидает сердца живых. Это самое ужасное чувство, ведь страшнее этого остается только смерть.

Гномы помогли выйти на другую сторону людям и спрятать их от преследователей.

Продолжая сомневаться, и переживать за будущее собственного клана, чувства взяли свое, и гномы об этом не пожалели. Со временем, их мнение поменялось. Оказалось, что люди очень полезны, так как они были прекрасными фермерами, добытчиками провизии, и умели делать много различных приспособлений для жизни, которые помогали не только им, но и их соседям.

Так между двумя расами появились отношения, в будущем, они переросли в дружбу. Гномы и люди обменивались между собой тем, что необходимо было каждой из рас. Раса карликов снабжала своих соседей нужными редкими ресурсами, чтобы помочь им производить сложные постройки, и иметь свой запас. В то время люди передавали пищу, выращенную и собственноручно собранную с земель. Гончарные изделия и многое другое, необходимое в повседневной жизни.

Также люди ковали отличное оружие разного назначения, пусть им никто и не пользовался в этих краях. В этом, попросту, не было надобности, обе расы, итак, хорошо укрыты от чужаков. И все же, оружие никто не прятал в дальний ящик. Его хранили на всякий случай под рукой, вспоминая жестокое прошлое. А прошлое при этом для каждого было серьезным уроком, о котором не хотели и не могли забыть.

Со временем, территории людей развивались,

строились королевства, и вскоре огромная часть земли была заселена. Люди покрыли собой часть северной, южной, центральной и восточной стороны, поделившись на три королевства. Первым королевством, которое было построено расой людей, стало Эдельвейс. Оно расположилось на северо-западе, и на данный момент территориально это было самое большое королевство. Второе появилось чуть позже, и оно приняло позицию на восточной части, недалеко от темной территории, как прозвали ее люди позже. Третье королевство появилось самым последним на юге, недалеко от моря, и стало завершающей частью по разделению территории между тремя правителями. При этом население людей на протяжении всего времени распределения границ между королевствами быстрым темпом увеличивалось. Это было необходимо для всей расы. Чтобы нарастала мощь, могущество, и самое главное, создать свою страну. Поэтому вокруг трех королевств постоянно появлялись все новые и новые поселения.

Тактика короля была продумана не сразу, из-за чего после Эдельвейса, в планах было построить еще лишь одно королевство. Этим самым разделить равнинную часть на два огромных кусочка. Как показало время, этого недостаточно. В итоге было решено, что править таким участком земли двумя королевствами, слишком сложно. Тем

более в состав глав людей входил не только один человек. Их было несколько, и каждый из них хотел иметь свой участок правления. Исходя из этого, было и решено, поделить территории между собой и выбрать самых достойных личностей на звание короля.

Три королевства жили счастливо и без проблем. Никаких войн, никакого страха, только идиллия и благодать. Казалось это сказка, в которой обитали все, и были рады этому. Каждое из королевств вносило свои изменения, они приносили только лучшее для народа и для всей земли. При этом все три королевства всегда решали все вместе, чтобы слышать мнение каждого, и знать, что они идут в одном направлении. Порой приходилось корректировать друг друга, и это помогало не делать глупостей в той или иной ситуации. После таких моментов, три короля расы людей, в который раз убеждались в правильном распределении территории. Одна голова хорошо, а три, как говорится лучше.

Чуть позже, когда люди решили расширить горизонты, пришли к выводу, им необходимо исследовать лес на западе. Королевство Эдельвейс эта местность интересовала с самого начала, когда они увидели впервые эти высокие деревья. У короля Эдельвейса Ореона было предчувствие, в этом лесу есть нечто особенное. И при этом он был

уверен, что найдет там что-то новое, чего не было у них ранее. Но пока королевства не обустроились, так и никто не решался пойти в загадочный лес запада. И все же в какой-то момент время настало. Но здесь произошла проблема...

Не успев толком зайти на территорию леса, как люди столкнулись с его стражами. Это было несколько десятков высоких существ, с луками в руках. Острый, пронзительный взгляд, горделивый вид сверлил чужаков, кто пытался попасть в их владения. У этих существ были своеобразные заостренные уши на кончиках вверху, и бросались в глаза не меньше, чем их необычайно высокий рост за два метра. Странное одеяние, не похожее на образ людей или гномов, еще больше отделяло лесных существ от кого-либо другого. В глазах людей такой вид казался слишком вычурным, правда, не было времени над этим подумать, не это есть важным при такой непредвиденной встрече.

Высокие стражи изначально приняли в штыки людей и хотели получить объяснений, что чужаки забыли в их лесу. Тогда еще молодой принц королевства Эдельвейс, Берн, вышел вперед, за свой народ, закрывая плечами всех позади, без страха и малейшего сомнения. Он и вел долгую дискуссию с расой лесных, в конце концов, смог прийти к общему мнению с ними. Несмотря на свою молодость, и возможно, недостаточный опыт,

королевич смог правильно и при этом убедительно себя поставить, и говорить от имени королевства Эдельвейс.

Было не сложно догадаться людям, кто перед ними стоял. Это малоизвестна и в то же время особая раса, ее спутать с кем-либо другим невозможно. Про эльфов знают все, вот только как они живут, и как ведут свой образ жизни, для многих остается загадкой. Причина тому сами эльфы. Они живут своим кланом, закрываясь от окружающего мира, и не допускают вмешиваться со стороны. Их встречали и раньше, с ними входили в контакт, и пытались договориться о союзе, но они предпочитали оставаться сами по себе. На вопрос: «Почему?», ответа нет. Эльфы, так же, как и гномы и люди, разбросаны по всей земле, и занимают какой-то кусочек мира, собственного мира, и туда дорога кому-либо закрыта.

Что же касаясь данного клана эльфов, здесь было много неясностей. Сам принц Эдельвейса чувствовал себя победителем, когда смог договориться с лесными о возможном союзе, вот только он не задался важным вопросом:

«Почему эльфы согласились?»

Эта гордая раса долгие годы, а может и века жили сами по себе, и им помощь ни от кого не нужна.

«Что же сейчас произошло?»

Причины этому остаются неизвестными. Эльфы так и не раскрыли правду, а людям остается гадать. Быть может, принц Берн нашел правильные слова, и внушил доверие будущему союзнику.

Было решено, так как на территории проживало три расы, Берн призвал всех к объединению, для защиты этой земли. Молодой принц рассказал эльфам о том, что среди них обитает еще одна раса — гномы. Вместе с ними, люди объединились для общего сосуществования. Две расы связало общее дело, ведь когда-то в прошлом каждая из них покинула свои земли, по той или иной причине. Эльфы при этом пытались хранить молчание, и все же кое-что сорвалось с их уст. Они тоже здесь появились не так давно, покинув прошлую жизнь. Возможно, это сыграло не последнюю роль для убеждения эльфов объединиться и вступить в союз.

Создавалось впечатление, будто эта загадочная часть земли призвала каждую из рас к себе, а значит, у них общего больше, чем им кажется. Пусть все они разные, и принадлежат разным жизням, но у них есть совместная частичка — эта частичка находится прямо под ногами.

Первое заседание произошло в Королевстве Эдельвейс, буквально через месяц, после встречи на границе сказочного леса. На съезд приехал Король Эльфов Эррион со своим помощником Кингтоном.

Также приехал, уже на то время старый и мудрый король гномов Горн со своим сыном Бара. И три короля каждого королевства людей: Ореон от Эдельвейса, со своим сыном Берном; от южного королевства Сазен, король Марк; от королевства Фогот, которое находилось на востоке, король Берлау. Три королевства людей были названы по подобию королей, и были задекларированы между собой.

После трех дней переговоров был подписан свиток. В нем стояли подписи каждого, кто присутствовал на самом первом съезде. Все стали защитниками общей земли и должны стремиться, чтобы об этой земле никто не узнал. На данном свитке была нарисована карта с границами поделенной территории и подписаны все королевства.

Королевство эльфов объединяло в своих границах только лес на западе. Король Эррион назвал его Исмериан, и каллиграфичный почерк писаря нанес чернилами название на карте. Король Горн указал пальцем лишь на один участок земли, свои родные горы. Они изображены на пергаменте схематически, но при этом спутать три вершины было невозможно ни с чем. Имя королевству, клан Энгеззов уже выбрали много лет тому назад — Энгеззариум.

Что касательно трех королевств людей, они

были названы, Эдельвейс, Сазен и Фогот. В отличие от королевства Исмериан и королевства Энгезариум, королевства людей размечены на карте пунктирными линиями. Они плавно переходили друг в друга, создавая общую неразрывную связь.

Как оказалось, не вся территория людей была заселена. Один участок земли был ни за кем не закреплен. Эта территория находилась ниже Эдельвейса, а с правой стороны граничила с Сазеном. Ее называли очень просто — нейтральная территория. Пока никто не знал, что с ней делать, поэтому не стали ее закреплять за кем-либо.

В свитке также было написано по поводу восточной территории, где расположился выжженный мертвый лес. К этой территории никто не должен приближаться, так как она была неизведанная. И чтобы не нарушить гармонию союза, туда никто не должен заходить. Ее прозвали — темная территория, и выделили ее на карте жирной линией, словно окраина, за которой находится нечто ужасное.

Интересно было то, что темная территория ничего не сделала ни одному из жителей общей земли. Но ее вид, ее мертвое состояние, наводило ужас на каждого из правителей. Что-то было в этом участке земли страшное, угнетающее, и непредсказуемое. Чтобы пресечь любопытство

каждого жителя, был объявлен запрет на темную территорию. Короли не знали, что может произойти, если чья-либо нога ступит на мертвую зону, и вообще, должно ли что-то произойти? Никто не знал, а поэтому никто не хотел действовать на неизвестный случай. Слишком много было плохого позади, и оно так сильно осело в сердце, что не хотелось новых страхов и проблем.

Когда все нюансы были прописаны, и каждая из рас пришла к общему мнению, в конце свитка было записано общее название этой земли — Ааматмея. В последних строчках свитка было прописано о том, что три расы объединились на благо этой земли, и призваны ее защищать и теперь они не просто эльфы, гномы и люди, они — Гвардия Света.

После этого собрания, все разъехались по своим местам и жили в своих мирах. Всех все устраивало, и никто не планировал что-то менять. Прошло полтора века или чуть более того. За это время много что изменилось. Единственное, что было неизменно, так это клятва, которую все расы дали друг другу и в первую очередь Ааматмеи. Конечно, люди не могли жить вечно. Поэтому короли менялись, а точнее говоря, престол передавался от отца к сыну. Гномы, хоть и жили дольше людей, все равно несколько веков прожить не могли. Единственные, у кого все было без

изменений, так это у расы эльфов. Все тот же король Эррион, который продолжал править в Исмериане. Их история была самой правдивой, потому что писал ее один король. Изменение появилось только тогда, когда у Эрриона появилась дочь Элена. Она также со временем вступила в Гвардию Света.

Время продолжало двигаться дальше, и за этот период Гвардия построила отдельную башню, на территории крепости Эдельвейса, где проходили последующие съезды союза, и решались все проблемы, связанные с Агатмеей.

Два века с начала существования самой первой расы — гномов, прошли для Агатмеи только в хорошем свете. Развитие шло во всех направлениях. Кроме королевств, Гвардия решила создать Гильдию для обучения всех трех рас. Во-первых, это было сделано с той целью, чтобы каждая из рас, что-то брала друг у друга. Общее обучение давало многое для каждого. В Гильдию брали в основном детей, которые имели особые способности, чтобы развивать их и сделать из них защитников своей земли. Особую школу, а точнее университет возглавил и создал очень значимый человек для Агатмеи. Это был монах Корнель. Конечно его призвание не совсем монах, и вообще с этим словом его связывало не многое. На самом деле он был магом. Он существовал практически с

появления первых людей в Ааматмеи, но он принял путь пророка и учителя для тех, кто хотел знать и развиваться, и мало того достигать и открывать в себе новые возможности.

Монах Корнель был также в составе Гвардии Света, но об этом особо не распространялся. Впрочем, скрыть от любопытных людей, это сложно. Ведь Корнель важная фигура для Ааматмеи, и утаить свое присутствие в толпе, для него невозможно. А когда происходит очередной съезд Гвардии Света, крепость Эдельвейса видит много важных личностей, идущих к замку короля, среди них появляется и Корнель.

Сам по себе монах был скрытным и слегка странным. Многие из Гвардии Света его не понимали, но все же к нему прислушивались. Монах был очень мудрым и толковым. Тем более столько лет он служил этой земле, и никогда, никогда, не позволял себе отложить свою первостепенную задачу, чтобы не появилось у него на пути.

Что же касается самой Ааматмеи, история этого скрытого участка земли очень интересная и значимая для ее обитателей. Но, как и в любой сказке, иногда приходит момент, когда идиллия нарушается. И вот узнав предысторию об этой земле, хотелось подвести к главному. История начинается именно с этих пор, а если быть точнее

история Ааматмеи изменится в тот самый момент, когда один человек из поселка, королевства Фогот, изменит все на этой земле. Может, наступит не самое лучшее время для всех, но это станет открытием, которое перевернет все с ног на голову. Это станет новая эпоха, новое время, и оно продолжится на протяжении многих веков. Но об этом позже.

Спустя все те же два века от начала существования гномов, Гвардия Света немного осела и привыкла к тому, что они защищены, и никто к ним не сможет подступиться. Естественно этого следовало ожидать, так как к хорошему привыкаешь быстро. Жизнь кажется прекрасной, а бдительность при этом теряется. Съезды Гвардии стали походить на встречи старых друзей, и обсуждению личных проблем. На последние съезды даже монах Корнель не стал приезжать. Он не видел в этом смысла. В глубине себя он мог только выругаться и сказать, что это не то, ради чего объединились когда-то в прошлом три великие расы.

Корнель наоборот, большую часть себя отдал собственному проекту — Гильдии, от которой он чувствовал хоть какую-то пользу для Ааматмеи. Возможно, он понимал, что нужно усиливать мощь, ведь неизвестно что ожидает их завтра.

«А завтра наступает немного быстрее, чем, кажется»

На очередном съезде Корнель решил появиться не просто так, в нем бурлили множество разносторонних эмоций. Он не понимал с чем это связано, но догадывался, что грядет нечто страшное. Поэтому монах с самого утра покинул Гильдию, и поехал напрямиком в крепость Эдельвейса на своем белокуром скакуне.

Рассекая прохладный утренний воздух, белое пятно с огромной скоростью продвигалось по лесной тропинке. Скорость лошади была невероятно огромной, и разобрать всадника в движении невозможно. Впрочем, лошадь тоже.

Сам Корнель был высоким, беловолосым, с серо-голубыми глазами, магом. Среднее телосложение, на вид обычный старик. Но это только видимая сторона, вся мощь и сила спрятана от простых глаз. На нем была темно-синяя мантия. Она развивалась на ветру, а на голове Корнеля был капюшон, сквозь который было видно только кончик его острого носа. В одной руке были поводья, а во второй посох. Белоснежная лошадь быстрым темпом продолжала скакать по узкой тропинке, ведущей напрямиком к крепости. Мысли монаха рассеивались в голове, так и не фокусируясь

на чем-то конкретном. Что-то беспокоило его, причем это не просто предчувствие, это что-то большее. Монах не хотел признать это, но то видение, которое он увидел не так давно, его беспокоило очень сильно.

Дорога была длинной, поэтому до прибытия Корнель сможет все обдумать, прежде чем говорить при всех на съезде. Сейчас нужно было убедить Гвардию в своих мыслях, и правильно их аргументировать.

ГЛАВА 4

«КРЕПОСТЬ ЭДЕЛЬВЕЙСА»

На горизонте появилось одно из величайших королевств Ааматмеи. И имя ему Эдельвейс. Первая крепость, созданная людьми, и первая территория, на которой было подписано альянс между тремя расами. Спустя долгое время это королевство стало огромным. Со всех сторон были построены поселки, а центром для них и по сегодня оставалась могущественная крепость Эдельвейса. Огромный высокий забор, окружал целый город по периметру, скрывая его от посторонних глаз.

Подход к этому прекрасному месту находился на южной стороне. Огромные ворота являлись единственным возможным проходом на территорию крепости. Кроме этого, вокруг

крепости был глубокий ров, заполненный водой. Только когда ворота принимали горизонтальное положение, путь через огромную яму становился доступным для всех желающих. Воду в ров искусственно перекачивали с местной речки Илио и так же откачивали, чтобы не образовывалось болото, от стоячей воды. Вокруг было все чисто и убрано, точно также и на самой территории крепости. Эдельвейс был не просто крепостью целого королевства, это была основа для будущего людей, и поэтому он должен был быть примером для подражания.

Корнель этим временем выскочил на холм и остановился, чтобы осмотреться вокруг. Но его взгляд приковался только на одном месте, где находилась крепость. Старец видел ее не в первые, но каждый раз чувствовал такие эмоции, от которых захватывало дух. Насколько все же это было великолепным местом, с богатой историей и хорошими традициями. Корнель еще на секундочку задержался, вдыхая воздух, а после, его конь быстро и стремительно побежал по тропинке напрямиком к воротам.

Монах был очень старым магом. Никто не знал, сколько ему на самом деле лет. Об этом Корнель предпочитал умалчивать. Но одно было известно наверняка, монах был намного старше короля эльфов Эрриона. Корнель был с виду

стариком и им в принципе и являлся, если бы не одно большое, но. Несмотря на свой внешний вид, дедушку он из себя не изображал. Монах был быстрый, как ветер, резкий, как молния, и могущественный, как создатель всего. И хотя порой Корнель признавал внутри себя, он стар, все же старался убирать от себя такие мысли. Ведь его вид, с его внутренней силой совсем не одно и то же. Белокурые волосы Корнеля были такого же оттенка, как и собственного скакуна. Лицо монаха укрыто капюшоном, и его тяжело рассмотреть, со стороны. Хотя он этого и не хотел. Ко всему прочему, та скорость, которой достигала его лошадь, делала его просто белым пятном на фоне прекрасной природы. Нет ни одного существа, кто мог бы уловить взглядом такое быстрое передвижение.

Ранее утро. Солнце только начало подниматься, освещая первыми теплыми лучами июня. Уже полмесяца не было ни одного дождя. Тучи изредка появлялись в небе на несколько минут и тут же исчезали, словно чего-то опасались, так и не пустив ни одной капельки на землю. Это лето было самое беспощадное за последние годы. Особенно эти две недели июня. И, несмотря на то, что еще было раннее утро, становилось уже жарко. И это не выносимо.

Прошло несколько минут пути, а монах за это

время успел спуститься с холма и уже передвигался по вымощенной дорожке. С одной стороны, в этом ничего не было удивительного для монаха, и огромных возможностей его скакуна. Вот только для всех остальных такое расстояние невозможно преодолеть за две минуты. Верхом на лошади потребуется как минимум минут десять хорошего темпа.

Корнелю осталось немного, и он практически у цели. Главные ворота были уже опущены, так как многие собирались на работу, покидая крепость. Люди шли каждый в свою сторону: кто в соседний поселок; молодые женщины с детьми шли в сады для сбора ягод и фруктов; всадники устремились в лес на охоту, а некоторые брели просто лишь бы куда. В общем, жизнь оживала для всех, тех, кому было чем заняться, и тех, кто просто прогуливался ранним утром.

Со стороны было видно самую высокую точку крепости, которой являлся замок короля Аннориса. Его центральный купол, словно маяк для путников. Даже высокий забор по периметру не мог скрыть из виду вершину города. Крыша замка была покрыта золотом. От нее отблескивало солнце, долго не давая никому смотреть на купола, тут же слепила и заставляла слезиться глаза. Левее от вершины замка, из-за забора, просматривалось еще одно здание, отдельно стоящее. Это была та самая

башня, которая являлась символом альянса между тремя расами, и тем самым местом, где проводила собрания Гвардия Света.

Корнель приблизился к центральному входу и остановился. Ему осталось только пересечь деревянные ворота, опущенные надо рвом, и он окажется на территории крепости. Но монах не спешил. Словно, предвкушал каждый момент, отпечатывая в своей голове. И, несмотря на то, что эти стены, эту территорию, он знал наизусть. Монаху в свое время удалось пройти по всем ее уголкам. И все равно для него каждый поход в Эдельвейс был, словно впервые. Монах глубоко вдохнул свежий воздух, слегка улыбнулся, а после верхом на скакуне пробежал через ворота внутрь крепости.

С этой стороны территория крепости Эдельвейса показывала все свое величие и красоту. Огромный участок земли был полностью обустроен. Больше не оставалось свободных мест, где можно произвести новые постройки. Крепость, в самом деле, дошла до своего пика, а ограничением дальнейшего развития стал высокий забор. Впрочем, так было изначально и спланировано.

Толпы народов бродили по тропинкам, и монаху пришлось уменьшить темп лошади, чтобы случайно никого не зацепить. Он попытался

слиться с обществом, передвигаясь в плотном потоке. Но белоснежный скакун и его особое синее одеяние выделяли Корнеля из толпы. Поэтому пройти незаметно среди горожан, не получилось бы.

Голова монаха была укрыта капюшоном, скрывая полностью лицо. Корнель вовсе не пытался спрятать свой облик или выдать себя за кого-либо другого. Задача состояла не в этом. Просто так было принято для расы магов. Они не должны ходить с непокрытой головой среди людей и их союзников.

На самом деле Корнеля знали все. Появление такой важной персоны вызвало лишние взгляды в его сторону. Каждый здоровался и кивал головой старцу, на что он отвечал взаимностью. Каждый узнавал его скакуна и торопливо расступался, давая дорогу путнику. Кто это делал из-за уважения перед великим Корнелем, а кто-то из-за страха. Людям свойственно воспринимать одну и ту же личность по разным убеждениям и восприятием собственного разума.

Корнель находился практически в центре площади, вымощенной разноцветными кирпичиками. Это первое, что видел, и где оказывался любой путник, посещая это место. Оно, в самом деле, производило хорошее впечатление. Сразу становилось ясно, насколько это важная

площадка для любого из расы людей. Почти сто квадратных метров выделили перед воротами пустого места, чтобы жители крепости, и гости могли разойтись между собой. А также подождать, когда узкий проход через ров сможет пропустить и их. В час пик здесь бывает огромное количество людей, и приходилось стоять у выхода до получаса, прежде чем покинуть крепость.

Слева и справа, где заканчивалась площадь, в нее упирались жилые дома. Корнель не завидовал их жителям. Это самое шумное и самое активное место всего городка. Не зря в начале крепости находились улицы для бедняков. Но многим на это было все равно. Жить в самой крепости уже являлось очень престижно. А шум и гам — это мелочи. Главное безопасность и авторитетность.

За первыми домами возле вымощенной площади скрывались следующие улицы и новые строения, которым повезло немного больше. До них не доносилась вечная суматоха возле ворот крепости. Корнель своим пронзительным взором посмотрел на запад вдаль и, дорисовывая из памяти те улочки, которые были там на самом деле, вспомнил общий план до самой стены. У монаха была исключительная память. Он помнил всю крепость, каждую улочку, и почти каждый дом.

Монах продолжал медленное шествие вперед на север, отдаляясь от центрального входа в

крепость. Перед ним открывались другие горизонты. Он знал правильный путь, поэтому постоянно двигался посередине вымощенной площади, мысленно деля ее на две равные части, так как после нее появилась целая торговая улица. Корнелю здесь нечего было делать, и все же по старой привычке, он шел именно этой дорогой. Здесь стояли лоточки, небольшие лавки и магазинчики. Они раскинулись по обе стороны от широкой центральной дороги и, как правило, народ с самого утра толпился в этой части крепости.

Было еще две основные широкие дороги, и они существовали параллельно торговой. Корнель об этом знал, но почему-то предпочитал ходить по этой. Возможно, именно здесь чувствовалась жизнь крепости, и это нравилось монаху видеть каждый новый раз.

Первая широкая дорога слева, которую невозможно было рассмотреть отсюда, являлась разделением между торговой частью и жилой. Там происходило почти все то же, что и на центральной улице, лишь поток людей был намного меньше. Люди толпились возле торговых точек, в то время жилая сторона их особо не волновала. Корнель также знал, что за домами на параллельной улице еще западнее, стояли казармы. Оградившись невысоким заборчиком, они старались не мешать простым гражданам, и также не желали, чтобы

люди мешали им. У них своя атмосфера, своя жизнь. Они служили только слову короля и были созданы для защиты крепости Эдельвейса.

Пока Корнель шел по центральной дороге, он мысленно себя переносил на другие улицы крепости. Ему это удавалось просто. Достаточно отыскать в памяти необходимый кусочек воспоминаний. В свое время монах исходил крепость Эдельвейса вдоль и поперек. Более того, на его глазах в прошлом, когда здесь все было только в проекте, появлялись новые постройки и целые улицы.

Правая широкая улица была почти зеркальным отражением левой. Жилой сектор — по правую руку, а торговая часть — по левую. Точно также расположились казармы, рядом с простыми домами. Изменения появлялись через улицу относительно казарм. Если на западе крепости, напротив казарм стояли жилые дома, то здесь была целая улица, где было много кузниц, оружейных лавок, магазинчики с лекарствами и травами. А также много другого, чего монах не стал вспоминать. Но самая уникальность во всех дорогах, улочках и даже тропах, заключалась в том, что все они вели напрямиком к замку короля.

Корнель не стал пробираться через всю центральную дорогу, а захватил лишь часть. На первой развилке он ушел левее от центра и ехал

верхом по улице, где справа от него была торговая зона, а слева — жилой участок. Вокруг монаха продолжали проходить большое количество людей, которые занимали очереди у торговых лавок и что-то выбирали. Удивительным в крепости Эдельвейса было то, что жизнь здесь оживала рано утром. Единицы обитателей этих стен продолжали оставаться в постели и видеть сны. Остальные — наоборот, стремились все сделать с самого утра перед работой. Поэтому сейчас основное население крепости находилось в торговой части или у выхода, покидая территорию родного места.

Так монах продвигался по прямым улицам около десяти минут. Уходя с одной дороги на другую. Это было похоже на ходы по лабиринтам. Их Корнель знал наизусть, и даже особо не думал, куда ему сворачивать, и в какую сторону. Во-первых, монах доверял своей лошади, и она сама выбирала правильную дорогу. А во-вторых, идти было можно по любой дороге, и все равно, в итоге, выйти к замку.

После долгих переходов с улицы на улицу Корнель снова оказался на центральной дороге, которую попытался обогнуть, чтобы не тратить на это много времени. Это было правильно с его стороны. Он, в самом деле, сэкономил время, и теперь был намного ближе к цели. Осталось только пройти элитную территорию.

Улица богачей расположилась рядом возле замка короля. Между ними было лишь одно разделение, в виде фигурного забора, отгораживающего всю территорию замка. Слева и справа от вымощенной широкой дороги расположились шикарные дома в несколько этажей. Они были также отгорожены небольшими декоративными заборчиками, подчеркивая статус каждого из обитателей этой улицы.

У каждого из богачей были свои причуды. И чтобы показать свои возможности, при этом никого не пускать в собственный дом, для этого во дворах появлялись разные необычные вещи. словно друг перед другом выставляли напоказ дорогие постройки. Кто поставил перед домом огромные статуи. Кто сделал во дворе свое декоративное небольшое озерцо, где плавали утки. А некоторые, самые отчаянные, заказывали золотые статуэтки собственных жен нагишом, и крепили на декоративный забор, чтобы всем было видно. В общем, у кого насколько хватало фантазии.

Монах так не любил эту часть крепости Эдельвейса. Особенно тех, кто жил в этих домах. Корнель чувствовал досаду за простой народ. Люди служили этим толстосумам ради выживания, в то время богачи просто наслаждались жизнью, в кругу таких же личностей, как и они сами. Не зря вся эта элита обустроилась как можно ближе к замку. Они

понимали, что здесь охрана лучше и жизнь спокойнее.

Монах наблюдал по сторонам и видел, как молодые девушки, в качестве прислуги, выбегали из домов, и что-то делали по территории. Одни из них занимались стиркой, другие подстригали траву. Кто из них быстро спешил покинуть ворота, чтобы отправиться на рынок. Корнель, продолжая наблюдать за этим, еще больше раздражался. Монах чувствовал, гнев начинал охватывать его тело. Старику было обидно, что жизнь так разделялась на классы. Есть те, кто служит кому-то, и те, кто жил, так как хочет. Ведь все должно быть равноценным для каждого, потому что земля, открытая предками, предназначена для всех. Но почему-то сейчас этого не было, и прошлое осталось только в прошлом. Слова основателей стали лишь цитатой, и проговаривая ее, никто не понимал сути. А может, и вовсе не хотели.

Наконец-то элитная улица оказалась позади, и Корнель слегка успокоил себя внутри. Он даже не решался больше поворачивать голову в разные стороны, чтобы не смотреть на то, что его злило. Тем более монах был практически у ворот, и перед ним открылась следующая часть крепости Эдельвейса.

Дорога, по которой он продолжал двигаться на своем белоснежном скакуне, уходила на

территорию короля. Вымощенная тропинка, словно змейка, подходила к ступеням, ведущим наверх к замку. Корнель обратил внимание на башню. Почему-то взгляд сразу направился в ту сторону.

Одинокое здание стояло слева от замка. Сколько связано с башней всего, сложно сразу вспомнить. За круглым столом на ее вершине решались судьбоносные дела. Союзники служили на благо Ааматмеи. Правда, так было тогда. А сейчас... Корнель уже не знал, что сейчас. Он просто окинул еще раз взором это величайшее здание и немного нахмурился. Башня не изменилась за то время, пока он отсутствовал. Впрочем, все здесь осталось по-старому.

У входа на территорию замка, стояло двое солдат в доспехах. В одной руке они держали щиты с гербами королевства Эдельвейс, а в другой были длинные пики, которыми они преграждали путь незнакомцам, желавшим зайти на территорию. Но это не касалось монаха. Как только он приблизился ближе к воротам, солдаты, увидев старца, склонили головы перед ним и не стали останавливать. Корнель ответил взаимностью. Также кивнул, сначала одному, потом другому, и оказался по ту сторону забора.

Атмосфера здесь была совершенно другая. Глазам было тяжело за что-то конкретно зацепиться. Все было великолепно, без

исключений. Слева, среди деревьев стояла беседка, к которой вела тоненькая вымощенная тропа. Вдоль дороги, где сейчас ехал монах, с обеих сторон, были засажены разные виды цветов. Это и розы, и лилии, и хризантемы разных расцветок и видов. Их запахи витали в воздухе, создавая приятный аромат для обоняния. На равном расстоянии от ворот и подъема по ступенькам на террасу замка стоял фонтан, в виде огромного цветка. Корнелю пришлось его обогнуть. Монах выбрал путь справа, хотя вымощенная дорожка вокруг фонтана позволяла сделать это и по левой стороне. Еще несколько шагов белоснежного скакуна, и Корнель наконец-то добрался до подножия замка.

Монах слез с лошади, аккуратно касаясь ногами земли. После быстрых перемещений его ноги часто начинают болеть, отчего подкашиваются в неподходящий момент. Что сказать, старость.

Корнель не успел толком размять конечности и почувствовать тело, к нему быстро подбежал мужчина лет тридцати. Это был прислужник конюшни. Его задача принять у гостя лошадь и отвести ее в усадьбу, накормить и напоить. Находилась она за замком, с другой стороны.

— Спасибо, — кивнул Корнель, не снимая капюшона.

Человек взял поводья и с легкой улыбкой на лице повел белоснежную лошадь монаха по

тропинке. Корнель этим временем провожал ее взглядом, а когда она скрылась из виду, при помощи посоха, принялся забираться по ступеням вверх. Все время пока он ступал, его посох был опорой. И насколько он бы себя не чувствовал живчиком, ступени монах не любил никогда. Они сбивали темп дыхания. В такой момент Корнель начинал верить в то, что действительно уже стар. Но благодаря силе, которая делала его бессмертным вечным жителем, он не угасал, а лишь продолжал топтать ногами по очередным ступеням, ведущим вверх.

Земля Аमतмея развивалась у него на глазах, и ее история была полностью описана в первую очередь в книгах монаха, а во вторую — в его собственной голове. Корнель существует, пока существует земля, и пока нуждается она в его силах. Он был послан сюда свыше, как хранитель, который обязан не просто защищать Аमतмею, но и предостеречь от зла. Корнель был выше над королями и принцами. Он принадлежал только тому миру, откуда его призвали сюда. И поэтому воздействовать на него никто не мог из живущих на земле существ.

Наконец ступени закончились, и монах очутился на балконе королевства. Если быть точнее это был не просто балкон, к которому вели ступени снизу, это была огромная терраса, где король стоял

перед народом и говорил обо всех проблемах, связанных с королевством. Корнель не стал осматриваться с высоты, хотя ему этого хотелось. Решил зайти в замок, чтобы не тратить время попусту. На террасе находилось шестеро солдат. Двое из них стояли у входной двери с обеих сторон. Еще двое стояли на посту у последней ступеньки, ведущей к террасе, и последние из них патрулировали террасу. Каждый из солдат кивал головой монаху, и тот в очередной раз в ответ делал то же самое. Корнель даже не мог представить, сколько он за сегодняшнее раннее утро кивал головой. Хотя так было всегда, когда он появлялся в любом из трех королевств.

Входные двери были распахнуты, и Корнель прошел сквозь них внутрь. Перед ним оказался огромный холл. Высота потолка была около пятнадцати метров. Из него свисали на одну треть высоты люстры. В каждой из люстр холла (их всего три) было около полусотни волшебных свечек. Их создали сами эльфы. Благодаря волшебству свечи никогда не сгорали и никогда не тухли.

Все стены были усыпаны различными картинами. На некоторых из них были портреты королей Эдельвейса, а на некоторых были изображены абстракции. Корнель осматривал их издали, освежая собственную память. Потом монах перевел взгляд на окна, осматривая разноцветную

мозаику вместо обычных стекол. Из-за разноцветных стеклышек лучи солнца проникали внутрь холла, отражаясь теми же красками мозаики, отчего серый пол не казался таким скучным и не выразительным.

Корнель продолжил осматриваться дальше. Следующим что попало под его взгляд — это были доспехи. Они стояли рядом возле столбов для красоты. И лишь немногие знали, в этих доспехах хранилась вся история крепости Эдельвейса. А в частности и сама история замка. Корнель жадно пытался поглотить своим взором все, что ему попадалось на пути. Таков был старец. Он любил наблюдать за тем, что находилось вокруг него. Даже более того, для него восприятие глазами было идиллией, которой, он не мог получить порой от общения. Но также играл немаловажный факт, что этот замок, навеивал ностальгию о старых добрых временах.

Корнель поднимал взгляд выше доспехов и видел на столбах различные виды оружия и щиты. Но на этом старец не останавливался, и его взор устремлялся выше. Он стоял с высоко поднятой головой в капюшоне, и видел, как столбы соединялись с потолком. Они служили не только декорацией, они были вспомогательной опорой. Сам холл был огромным, и чтобы он выдержал собственный вес, требовались дополнительные

установки.

Но тут прервалась идиллия монаха, когда его окликнула одна из служанок. Только сейчас Корнель заметил всех этих молодых девушек. Каждая из них выполняла свою работу. Кто из них протирал окна, кто мыл полы, вымощенные серыми мраморными кусочками, а кто нес, пишу из столовой.

— Доброе утро монах Корнель, — обратилась улыбчивая молодая особа, стоя рядом возле гостя.

— Доброе утро, — кивнул старец, все дальше продолжая стоять с накинутым на голову капюшоном.

— Разрешите вас провести, — нежный голос девушки, легким эхом раздавался по холлу.

— С удовольствием, — ответил Корнель и не стал сопротивляться.

Вдвоем они пошли дальше по холлу. Девушка вела монаха вперед, никуда не сворачивая в сторону. Замок короля Аннориса Корнель знал наизусть, поэтому не сложно было догадаться, куда ведет этот путь. Впереди по центру, у северной стены холла была размещена комната — столовая короля. С двух сторон от нее были длинные тоннели, ведущие на другую часть замка. Корнель пытался увидеть через арку, что сейчас происходит в столовой, но ему не удалось. Для того чтобы увидеть, следовало подняться по ступенькам

внутри.

— Опять ступени, — тихим ворчливым голосом проговорил монах, и снова опираясь на посох, следовал за девушкой.

Расположение столовой на возвышенности смотрелось оригинально. Несколько ступеней вверх отделяли трапезную от холла. При том, что сама столовая и была частью этого холла. Ко всему прочему, эта отдельная комната выполняла две функции. Внутри комнаты — это трапезная короля. В то время на крыше комнаты был самый настоящий балкон под потолком холла. Создатели замка пошли дальше и сделали из двух тоннелей по бокам, ведущих в другую часть здания, точно такие же небольшие балконы, к которым был доступ по ступеням с потолка столовой. Смотрелось это в действительности необычно. Что касательно практичности, особо об этом никто не задумывался.

Пройдя сквозь арку, Корнель очутился в приемной, где проходили посиделки знатных людей, и по совместительству место для завтрака, обеда и ужина. Здесь стоял длинный прямоугольный стол, вокруг которого было большое количество стульев. Напротив, входа, где сейчас стоял монах, на той стороне стола, было два великолепных кресла, принадлежащие королю и королеве. Корнель не успел толком оглядеться, как в конце комнаты, слева, послышался скрип двери.

Из нее появился король. Вальяжной походкой он шел по трапезной. У него на лице появилась шикарная улыбка, и она была предназначена для гостя. Король продолжал, не спеша продвигаться по комнате, не сводя глаз с Корнеля.

Король был высоким человеком. Его рост примерно равен росту Корнеля. Ему было около тридцати пяти, и его молодость чувствовалась в воздухе, благодаря энергии, которую излучал. Монах по сравнению с ним был дряхлым старцем, но все же так же ровно держал спину, несмотря на свои годы. У короля Эдельвейса были мягкие черты лица. Небольшая бородка, аккуратно подстриженная. Приятная мимика лица, и самое главное добрый взгляд. Одеяния короля были индивидуального покроя. Мантия на нем была с узором, вышитым золотыми нитями. Кое-где отблескивали на мантии драгоценные камни, подчеркивая еще большую важность того, на ком это было надето. На голове короля была золотая корона. Этот важный атрибут переходил от отца к сыну и принадлежал только одному роду. На ногах у короля были белые лапти с острыми носами, созданные личным мастером.

Король подошел к монаху и крепко пожал его руку. Улыбка продолжала быть на его лице. После крепкого рукопожатия начались объятия. Корнель отвечал на это взаимностью, хотя не особо ему это

нравилось. Но так было принято, и от этого элемента приветствия нельзя отказаться в стенах замка. Оставалось только молча терпеть.

— Дорогой монах Корнель, я рад вас приветствовать в моем королевстве, — говорил звонким голосом король, продолжая обнимать гостя. Напоследок еще и поцеловал, сначала в одну щеку, а после — в другую.

— Я тоже рад тебя видеть король Аннорис, сын Горена, — ответил взаимностью монах, и наконец, скинул с головы капюшон.

Корнель только сейчас понял, что девушки не было рядом. Он даже не заметил, когда она ушла, оставив его.

— Почему вы так давно у нас не появлялись? — Спросил король и принялся проводить монаха к столу.

— У меня были кое-какие дела в Гильдии.

— Гильдия это святое, — с пониманием ответил Аннорис, и после того, как монах сел на стул, пошел на свое место, оказавшись, по левую руку от гостя.

— Гильдия это наше будущее, — дополнил Корнель и пристально наблюдал за королем.

— Я с вами полностью согласен, — кивнул Аннорис головой. — Я так понимаю, вы пожаловали не просто так?

— Нет, король, я приехал с очень важной

информацией. Хочу добавить, что от решения Гвардии Света, решится будущее Ааматмеи.

Ааннорис немного выкатил глаза и озадаченно посмотрел на монаха. Было видно, что король был слегка напуган, и в то же время заинтригован словами Корнеля.

— Что вы имеете в виду? Что нас ожидает? — Спросил король, а в его голосе звучало беспокойство.

— Король Ааннорис, я бы хотел говорить со всеми, чтобы не повторяться. Поэтому давай подождем остальных. Я надеюсь, сегодня все соберутся?

— Да, конечно. Мои писари, написали письма всем, и передали гроссу¹, - быстро отвечал король, сгорая от нетерпения.

— Это хорошо, — одобрительно кивнул Корнель, — тогда будем ждать всех.

— Позавтракаем? — Спросил король.

— Можно...

Ааннорис призвал служанку, после чего она быстро скрылась в одних из дверей. Буквально через несколько секунд отворились те же двери, и

---

¹ Гроссу — королевские гонцы, они также часто используют специально обученных птиц для быстрой доставки письма получателю

начали идти трое мужчин. Они несли в руках подносы с едой. Пока они ставили бокалы, тарелки на три персоны, еще одни двери отворились, те самые из которых выходил ранее король. Теперь вышла его жена королева Виола.

— Здравствуйте монах Корнель, — с улыбкой похожей на мужа, королева быстро зашагала к гостю и подала ему руку.

Корнель встал из-за стула, нежно взял руку королевы и поцеловал.

— Здравствуйте королева, вы, как всегда, прекрасны, — улыбнулся в ответ Корнель и снова вернулся на место.

Королева тем временем обошла мужа и села рядом возле него. Эта женщина была полной противоположностью королю Аннорису. Она была слегка полноватой, а ее рост был слишком мал для ее тела. Королева была круглолицей со свисающими щеками и напыщенным видом. На фоне такого лица, казалось, что ее темные глаза, словно мелкие бусинки. И только пухлые алые губы подходили под стать очеркам женщины. Было еще кое-что в ее лице, что бросалось в глаза, и казалось не подходящим. Это был острый вытянутый нос, который нарушал гармонию ее упитанной физиономии.

На ней было надето откровенное платье белого цвета с узором, который прикрывал

интимные места, но при этом вырез выставлял напоказ ее пышную грудь. Корнель чувствовал себя неуютно. Такое одеяние королевы было слишком вульгарным. Учитывая возраст монаха и откровенность Виолы, она явно беспардонно и более того не культурно подобрала одеяние для завтрака. На голове королевы был самый настоящий хаос. Возможно, старец не понимал чего-то, но со стороны ему это казалось именно так. Волосы были одним большим запутанным клубком. Их длина была чуть ниже шеи, и создавалось впечатление, будто этот клубок спадал ей на плечи. Огромные сережки свисали на уровне длины волос, а золотое кольцо с кулоном спряталось где-то в груди, куда Корнель уже не позволял себе заглядывать, чувствуя себя по-прежнему неуютно.

Монах вообще старался смотреть в другую сторону. Эта откровенная пышная женщина, была не приятной ему, и дело вовсе не во внешности.

— Как у вас дела? — Спросила Виола, поднимая бокал со стола. Именно с него она начала свой завтрак.

— Все хорошо, — ответил Корнель, кушая омлет с беконом. Продолжая принципиально не смотреть на королеву при разговоре. — А вы как поживаете?

— У нас тоже все отлично. Мой муж постоянно говорит о наследнике, а я ему говорю,

что еще рано, нужно немного повременить. А как вы считаете?

— Дорогая, я думаю, Корнелю это вовсе не интересно? — Вклинился Аннорис в разговор и посмотрел на супругу с угрюмым видом.

— Ну что вы, — пытался Корнель быть культурным, не понимая, зачем этот разговор, — я думаю, что ваш муж прав. Время не стоит на месте, и ему уже хочется наследника, чтобы в будущем обучить его и передать свой трон. Это нормальное желание.

Монах говорил, не спеша и в полтона, а взгляд его устремился куда-то в стену за королевой, чтобы не смотреть на нее.

— Это понятно, — с интонацией сказала Виола, — но мы еще так молоды для детей.

Женщина уже допила бокал вина, при этом, даже не прикоснувшись к еде, поставила его на стол. После взглядом осмотрелась вокруг, чтобы найти служанку, которая этим временем тихо стояла в стороне, на случай, если она будет нужна. Когда королева встретила взглядом с молодой девушкой, с легким оскалом посмотрела на нее, а после пальцем указала на свой пустой бокал и снова повернулась к собеседникам. Девушка быстро подскочила к столу и налила вино в бокал и так же быстро удалилась.

Пауза затянулась после слов Виолы, и

Корнель не стал ничего говорить. Последняя ее фраза немного удивила старца, и он посчитал, что слова женщины слишком глупы и наивны. Возраст короля и королевы, подбирался к сорокалетию, и в таких годах уже у многих было по двое, а то и по трое детей. Конечно, говорить о сорокалетию, это грубоватое округление, но жизнь слишком коротка, чтобы оставлять все на будущее. Тем более с возрастом зачать ребенка становится намного сложнее. Но Корнель решил опустить эту фразу и не вмешиваться в проблемы Виолы и Аннориса. Он сюда прибыл не за этим, были намного важнее темы, чем обсуждать чью-то жизнь.

— Корнель, а расскажите, как там Гильдия поживает? — Все продолжала говорить королева, не желая смыкать губы.

Второй бокал на голодный желудок ее слегка опьянил, а она вместо того, чтобы приступить к еде, продолжала пить только вино. Корнель так хотел посидеть в тишине, но ему не давали такой возможности. Виола, словно мозоль на ноге, мешал и мешал, продолжая ныть, нарушая внутреннюю идиллию тела.

— Гильдия еще только на начальном уровне, — монах все же решил ответить на вопрос, понимая, что от него все равно не отцепятся, пока он не расскажет. — Конечно, есть уже здания для обучения одаренных детей, но их мало. И самих

детей, и зданий. Но это пока. Со временем планируется увеличить территорию, найти больше учителей. Хотелось бы уделить время для обучения сражению. Построить казармы, чтобы дети не ездили каждый день из дома в Гильдию. Многим приходится далеко добираться, тратить по несколько часов на дорогу. Но эти сложности, я думаю, скоро будут исправлены.

— Это хорошо, — наконец, Виола приступила к завтраку и с полным ртом говорила, вызывая еще больше отвращения у старика.

— Это здорово!!! Нам нужны защитники!!! — С энтузиазмом сказал Аннорис. — Особенно, универсальные.

— А в чем особенность этих детей? — Спросила королева, поставив опустошенный второй бокал, и ожидала, когда ей его снова освежат.

— Как я уже говорил ранее, — начал Корнель. — Аватмея уникальная. В ней есть что-то магическое, и это способствует некоторым детям развивать в себе ту или иную особенность. Вот в этом году будет поступать мальчик, который умеет управлять перемещением предметов. Конечно, эта способность пока очень слабая, но со временем, если он будет пытаться управлять и развивать свою возможность, я думаю, у него есть все шансы научиться, не просто перемещать вещи, но и живые объекты. А эта способность индивидуальна в своем

роде.

— Предметами? — Удивленно переспросила королева Виола. — Это интересно.

— Согласен, — дополнил король Аннорис.

Наконец, наступила тишина, которой так хотел монах. Корнель не спеша ел и обдумывал, что будет говорить перед Гвардией Света, касательно своего видения. По этой причине ему не хотелось говорить сейчас ни о чем другом и молча прийти к правильному выводу. Но пока этого ему не удавалось.

Тем временем королева, осушив два с половиной бокала, сидела с красным лицом и стеклянными глазами. Улыбка на лице с каждым глотком становилась все шире и шире, а вот повод для нее был самым нелепым. Она сейчас была совершенно некстати, учитывая серьезность встречи. Король, изредка поглядывая на жену, и наблюдая за ее поведением, готов был накричать на Виолу, но присутствие монаха его сдерживало. Поэтому он решил смотреть в стену, отставив недоеденный завтрак в сторону.

Тишина вскоре прекратилась, когда в столовую вошел дворецкий и подошел к королю.

— Прибыл король эльфов Эррион со своей дочкой Эленой — принцессой эльфов, — в полголоса сказал мужчина, стоя возле короля Аннориса.

— Хорошо, — кивнул король, — спасибо. Пусть заходят.

Дворецкий склонил голову, а после покинул комнату.

— Как меня раздражают эти остроухие, — сказала обозленно королева и, не прикрывая рот, громко икнула. Этот звук эхом разошелся по столовой.

— Виола, прекрати! — Сказал гневно Аннорис, и было видно, что он еле сдерживается, чтобы не заорать на жену.

Сверлящий взгляд короля резко рассеялся, когда в арочном проеме, появились двое. Король эльфов и его дочь немного прошли внутрь комнаты и остановились. Эррион был высоким мужчиной. Почти на голову выше Корнеля, а это не меньше двадцати пяти сантиметров разницы. Никто из Гвардии Света не мог составить конкуренцию королю Исмериана. Впрочем, как и любой представитель расы людей, любому другому эльфу.

Белые волосы короля опускались намного ниже плеч на уровне лопаток. В волосах было заплетено несколько косичек. Глаза Эрриона были серо-голубого цвета, и словно два хрусталика, смотрели пронзительно и глубоко. Кроме особенного взгляда, присущего всем эльфам, и их высокого роста, еще была одна особенность, которая выделяла эту расу на фоне остальных. У

каждого эльфа была своеобразная форма ушей, с заостренными кончиками вверху.

Но не только эльфы отличались от других рас анатомически. У расы лесных существ был также хороший оригинальный вкус к выбору одежды. Король Эррион стоял в темно-зеленой мантии, сшитой из нескольких видов тканей. На мантии был аккуратный, еле заметный золотистый узор через всю длину. В отличие от одеяния короля Аннориса, где было больше пафоса с золотыми нитками, одежда короля эльфов смотрелась более изысканно.

Но стоило посмотреть на Элену, чтобы признать важный факт, эльфийка бесподобна во всем. Ее природная красота неопишима. Она была намного ниже отца. Ее рост составлял где-то метр девяносто три — девяносто четыре. И все же, эльфийка была куда выше половины девушек расы людей. Но рост Элены не являлся ее недостатком. Она не казалась слишком высокой. Пропорция ее фигуры и роста, наоборот делали эльфийку особенной. Этим самым заставляя завидовать других ее величию над всеми.

Элена была очень похожа на отца. Тот же остренький нос, те же пухленькие губки, большие глаза серо-голубого цвета. Единственное, что отличало их, так это нежность в очерке лица эльфийки и легкой грубости, смешанной с хмурым видом Эрриона. Король был также красивым

эльфом, но его серьезный вид немного делал мимику лица озлобленной. В то время Элена сияла, словно ангел. У нее волосы были почти такой же длины, как и у отца, и это еще больше между ними добавляло сходств.

Кроме внешних данных, немаловажным фактором являлся собственный стиль. У Элены с этим было не хуже, чем у отца. Эльфийка стояла в нежно-голубом платье, длиною до самого пола. Оно полностью скрывало своей легкой тканью ее ноги. Платье облегалo грудь эльфийки и худенькую талию, подчеркивая идеальные формы. В то же время от бедер и до самого низа платье было свободным, чтобы не стеснять в движении. В ушах эльфийки были небольшие сережки. Они в действительности не были чересчур вычурными. Впрочем, от этого они смотрелись не менее богато, а самое главное подходили своей нежностью Элене.

Король Эдельвейса встал в это время с места, когда гости остановились в столовой, и подошел к ним.

— Эррион, мой дорогой друг, добро пожаловать, — сказал Аннорис, крепко пожимая руку эльфу и, как всегда, улыбаясь ослепительной улыбкой.

— Здравствуй, король Аннорис, — ответил взаимностью Эррион, но в его лице была всего лишь легкая улыбка.

— Элена, ты, как и всегда прекрасна, — король Аннорис перешел от Эрриона к эльфийской принцессе и поцеловал ее руку.

— Здравствуйте, — нежным голосом проговорила Элена. Улыбалась она намного ярче, чем отец. Будто делала это сразу за двоих.

— Проходите. Мы как раз завтракаем, — указал рукой к столу король Аннорис.

— Нет, спасибо. Мы завтракали, — культурно ответил Эррион и вместе с дочкой подошли ближе к столу, чтобы поздороваться с остальными.

— Рады вас видеть в нашем замке, — с лицемерной улыбкой проговорила королева. Полузакрытыми глазами она пыталась сфокусироваться на гостях, но у нее ничего не получилось. Она опьянела еще больше.

— Доброе утро, королева Виола, — кивнул Эррион, но не стал подходить к ней. Скорее всего, она вызывала у него отвращение, таким видом.

Чуть позади за отцом стояла дочь, и так же здоровалась с присутствующими.

— Корнель, рад вас видеть, — король эльфов посмотрел на старика.

— Приветствую тебя, Эррион, — встал из-за стола старец, обращаясь к эльфу, а после посмотрел на его дочь, — и тебя Элена.

Эррион и Элена все же решили сесть за стол, ожидая, когда окончат завтрак Корнель и Аннорис,

чтобы пойти вместе в башню. Монах уже опустошил тарелку, но решил еще выпить чашечку чая. Ему хотелось немного потянуть время. Вдруг, за этот небольшой период, к нему придет гениальная мысль. Король Аннорис решил составить старику компанию, и тоже выпить чая перед уходом в башню. Двое эльфов культурно отказались. Они просто сидели, смотря по сторонам, пока Эррион не решил обратиться к монаху.

— Корнель. Вы сегодня присоединитесь к нам?

— Да, сегодня я с вами, — ответил Корнель, отпивая небольшими глотками чай.

— Корнель прибыл с важной информацией, — добавил Аннорис, этим самым заинтриговав короля эльфов.

— Интересно, что это за информация?

— Об этом мы поговорим, когда соберутся все, — отрезал монах. Он не желал ничего говорить при королеве и так же не хотел повторяться для тех, кто еще не прибыл.

— Я думаю, что нам тогда лучше переместиться в башню и ожидать остальных там. Корнель, вы не против? — Обратился Аннорис, поглядывая, допил ли чай старец или еще нет.

— Нет. Давайте пойдем в башню, — отставил монах чашку и готов был идти.

— Дорогая, — обратился король к жене, — прошу, чтобы нас никто не тревожил.

— Хорошо, — немного шатаясь, кивнула резко головой Виола, а на лице у нее была гримаса, адресованная специально для мужа.

Король Эдельвейса с укором посмотрел на жену, но ничего не стал говорить. Он просто поднялся со своего места и, позвав всех за собой, вместе покинули столовую.

ГЛАВА 5

«ГВАРДИЯ СВЕТА»

Вчетвером они вышли из замка. На улице жара усиливалась. Солнце поднималось ввысь и палило с такой силой, что пот на теле выступал за доли секунды. А ведь это еще только утро. В обед всех ждет самый настоящий знойный ужас. Казалось, за столько жарких дней люди должны были привыкнуть к такой погоде. Но не привыкли. К обеду городок опустеет, и все будут отсиживаться в собственных домах.

Корнель накинул свой капюшон и вслед за королем, вместе с остальными пошел к башне. Она находилась в двадцати метрах от замка. Небольшая тропа вела напрямик к ней. Замок вместе с башней были отгорожены с четырех сторон железным забором, чтобы никто не мог сюда пройти.

Существовало только два входа на территорию покоев короля — северные ворота, и южные. Они находились под постоянной охраной.

Возле башни также стояли солдаты. Когда они увидели короля, незамедлительно отворили двери, отдавая поклоны, отошли в сторону. Четверо зашли внутрь, а за ними двери закрылись. Они оказались в небольшой комнате, где был полумрак. А самое главное, здесь было прохладно, и даже как-то стало легче дышать всем присутствующим. Никто не стал осматриваться по сторонам, это место все знали наизусть. Сразу четверо зашли на винтовую лестницу и начали подниматься вверх.

— Снова ступени, — с досадой сказал Корнель и нехотя шел по лестнице вслед за королем.

Одной рукой Корнель держался за перила, а другой — опирался на свой посох. И так пройдя некоторое время, наконец, ступени остались позади. Отворились двери, и все четверо оказались в круглой комнате. Посредине комнаты стоял круглый стол и одиннадцать стульев. На каждом из стульев было подписано имя, кому оно принадлежало. В этой комнате было четыре окна, полностью занавешенных, и солнечный свет не поступал через шторы.

С левой стороны относительно входа, от одного окна к другому, по кругу, стояли шкафы с

небольшой личной библиотекой. На самом столе были выгравированы разные рисунки. В центре стола было написано два слова «Гвардия Света». Также были нарисованы знаки всех трех рас. Они означали объединение между собой союзников, а подтверждение этому служил свиток, который лежал на краю стола. Это тот самый свиток, подписанный каждым, еще на первом съезде Гвардии Света, кто заключил альянс между собой. Конечно, не все с тех пор дожили до сегодняшних дней. Но все же были те, кто остался неизменным — это монах Корнель и король Эррион.

Оказавшись в круглой комнате, Аннорис первым устремился на свое место. Оно находилось напротив входа, немного правее, тем самым король Эдельвейса всегда видел, кто входил или покидал круглую комнату. Король Аннорис подошел к своему месту и не спеша сел на стул. Это было самым важным местом, отчего короля брала гордость, что он удостоен такой чести быть ведущим среди расы людей. Именно, на этом самом месте, когда-то сидел первый король расы людей Ореон. Но история показывает, что заслуга альянса принадлежит не Ореону, а его младшему сыну Берну. Этот молодой принц смог договориться с расой эльфов, а именно с королем эльфов Эррионом о том, чтобы быть защитниками общей земли. И это грело душу сейчас Аннорису. В его теле течет их

кровь.

По часовой стрелке, через два стула от короля Эдельвейса, сел король Эррион, а рядом возле него Елена. Следом за эльфийкой находилось место Корнеля, но он не спешил садиться на стул, а предпочел ждать остальных стоя. Еще должны приехать клан Энгеззов, в состав которого входили король Беррон и его сын принц Род. И осталось дожидаться два королевства людей. Из королевства Фогот, что расположилось на востоке, король Эйзинг и его сын принц Ксандр, и южное королевство Ааматмеи — Сазен, представители — король Гренд и его двое сыновей принц Герранд и принц Дианго.

Так небольшой компанией они сидели около десяти минут, ожидая остальных, пока внизу башни не послышался шум. Входные двери отворились, и кто-то зашел внутрь. Шаги раздавались громким эхом по всему помещению, пока не оказались у входа в круглую комнату. Это был король Фогота Эйзинг и его сын принц Ксандр. Остальные, увидев только что вошедших отца и сына, радостно приветствовали их.

Король Эйзинг с приятной улыбкой, одаря каждого своим особым блеском, поздоровался с присутствующими. Это был мужчина лет сорока пяти. Лицо короля Эйзинга выдавало его истинные годы, но стоило ему улыбнуться, он молодел

буквально на глазах. Король Фогота умел расположить к себе любого собеседника. В нем, в самом деле, было что-то магическое, нечто такое, чего невозможно приобрести на жизненном пути. Это дается с рождения.

И все же, нельзя сказать, будто кроме улыбки у Эйзинга больше ничего не было. Просто это первое, что замечали остальные. И пока он не сел на свое место, все присутствующие продолжали черпать ту положительную энергию, которую излучал король.

В то время его сын, остался, почти незамеченным для остальных. Принц Ксандр был совершенно противоположным отцу. Хотя его лицо очень сильно походило на лицо короля Эйзинга, взгляд его был другим, мимика лица более скромная. Нельзя сказать, будто принц Фогота угрюмый молодой человек, без эмоций. Это не так. Просто он придерживается других правил и иных мыслей. Тратить свой богатый мир, как его отец, на всех присутствующих он не хотел.

Темно-зеленые глаза копировали отца точь-в-точь. Такие же широко раскрытые, и такие же добрые. Густые брови, пухлые губы и нос слегка приподнят вверх. Также лицо Ксандра было покрыто большим количеством мелких родимых пятен, и это его собственная индивидуальность. У короля Эйзинга не было ни одного родимого пятна.

Сидя за круглым столом с серьезным выражением лица, Ксандр не казался несимпатичным, злобным парнем. Наоборот. Внешность принца была довольно-таки привлекательной. Не красавец, но и этого достаточно. Более того, серьезный взгляд добавлял глубины его облику. И в свои двадцать шесть лет он выглядел куда старше.

Его черные, словно тьма волосы, были короче, чем у остальных присутствующих. Ксандр аккуратно их зачесал, но не переусердствовал. Его отец поступал иначе. Насколько щепетильно все было приглажено у короля Эйзинга, и ни одна волосинка на голове не позволяла себе нарушить общую картину. При том, что волосы короля Фогота на порядок были длиннее волос сына и соответственно требовали больше ухода.

Рост принца составлял метр восемьдесят два, и превышал рост отца почти на десять сантиметров. Стройное вытянутое тело было слишком худым. Воинственности в нем не было. Впрочем, среди присутствующих, кого-то другого назвать воином язык не повернется. Слегка сутулясь, он опустил голову вниз, пытаясь не встречаться взглядом с кем-либо. Легкая отрешенность его обычное состояние на съезде. Плечи Ксандр вовсе не расправлял. Этот символ мужественности он никогда не делал. Важный вид, особые манеры,